НАТАЛЬЯ
МОРОЗОВА

НУРЕКСКИЙ ХАРАКТЕР

ОЧЕРКИ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1976

32С
М80

ОФОРМЛЕНИЕ Б. ШЛЯПУГИНА

ФОТОГРАФИИ

Ю. КАПЛУНА,
С. СИМОНОВА,
Ю. УГРЮМОВА

М $\frac{70803-572}{М101(03)76}$ 317—76

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1976 г.

ПОКОРЕНИЕ «БЕШЕНОГО»

Того, кто видел безбрежный разлив Волги или, скажем, Енисея, Вахш не поразит, особенно издали, да еще из окна автобуса. Старики говорят, что лучшим джигитам удавалось даже перескакивать через реку на конях в самом узком месте — там, где сейчас створ плотины Нурекской ГЭС.

Может, так оно и было, а все же шутить с Вахшем не рекомендуется. Рожденный на неприступных, заснеженных высотах Памира, он не случайно получил свое имя, по-таджикски означающее «бешеный». Особенно неудержим был его бег чуть выше Нурека, где реку сжали в тиски скалы Пулисангинского ущелья.

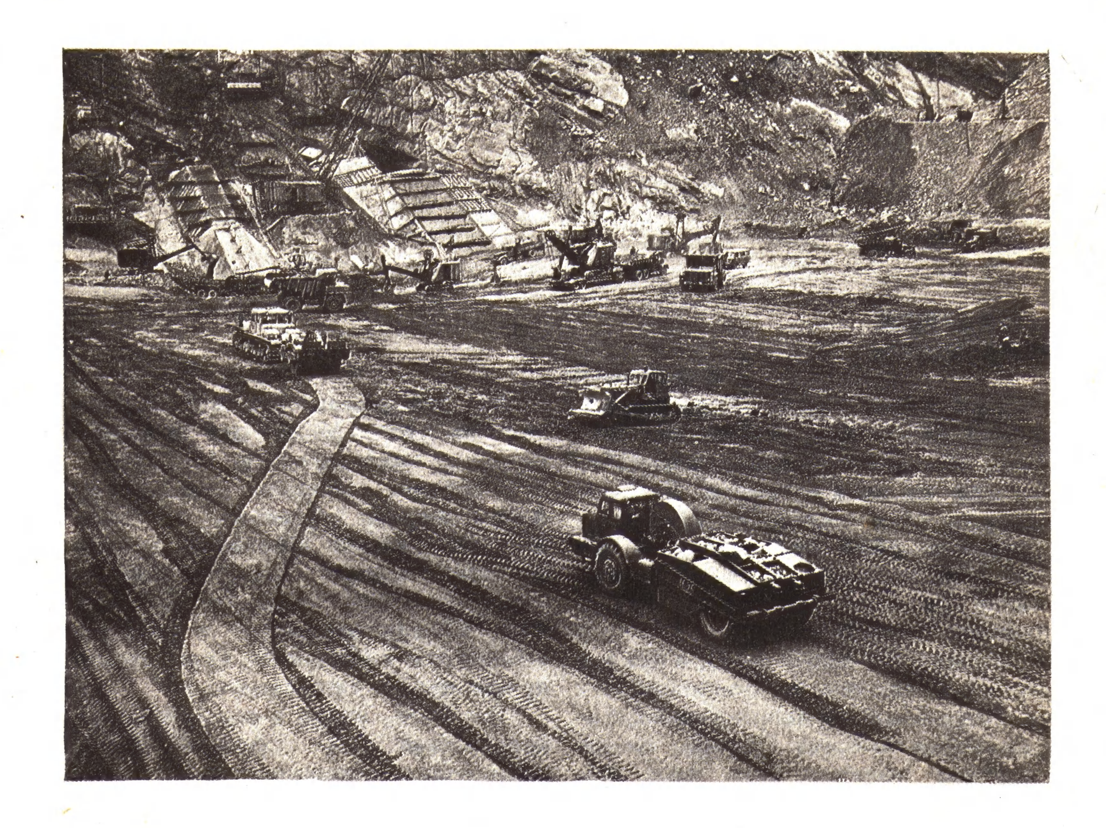
Лишь весной радуют взор эти скалы: то здесь, то там вспыхивают среди них нежно-розовые или сиреневые гроздья цветущего миндаля. В остальное время темно-серые и бурые каменные глыбы, низвергающиеся с них мутные селевые потоки пугают прохожих своей мрачностью.

Вот это ущелье и стало местом великих работ. Много раз за время стройки, начавшейся в 1961 году, его склоны собирали невиданные массы людей: нурекчан, их соседей — жителей кишлаков, гостей со всех концов Таджикистана и вовсе издалека, из других республик. Самые молодые и ловкие взбирались к вершинам скал, чтобы лучше видеть происходящее.

Так было, когда в строительстве величайшей ГЭС Средней Азии происходило какое-нибудь этапное событие: мощный взрыв, перекрывший Вахш, начало закладки основания плотины, отсыпки ее ядра, первый бетон, уложенный в здание ГЭС... Но особенно много народу собралось здесь утром 15 ноября 1972 года. В тот звездный день Нурека дал ток первый агрегат гидростанции, достойно увенчав долгий труд изыскателей, проектировщиков, строителей.

...Одно из самых распространенных слов в их лексиконе — «уникальный». Оно относится почти ко

Строительство ядра плотины из суглинка. Мощные катки уплотняют слой за слоем.

всем сооружениям, которые надо было возвести, чтобы заставить Вахш вращать турбины, да и к самим турбинам, генераторам и многому другому оборудованию гидростанции. Но прежде всего — к плотине.

Основное из данных, интересующих гидростроителей на реке, которую они решили покорить, — расход. Так на их языке называется количество воды, проносимое рекой через ее сечение за каждую секунду. Понятно, что это количество зависит от того, многоводна ли река, от скорости ее течения, от времени года: в паводок расход во много раз возрастает. Средняя годовая величина расхода подсказывает, какую плотину надо воздвигнуть, чтобы вода, накопившись перед ней, создала напор, необходимый для вращения колес турбин.

Могуч Вахш, но все же с многоводной, раздольно широкой в нижнем течении Волгой его не сравнить. А гидростанция в Нуреке будет даже мощнее волжских. Пусть расход Вахша намного меньше, чем у великой русской реки: чтобы компенсировать этот недостаток, Нурекская плотина станет самой высокой в мире. 300 метров — со стоэтажный небоскреб — вот какой будет эта плотина, когда ее достроят полностью.

Почти такой же будет и разница уровней воды в верхнем и нижнем бьефах — между уровнем водохранилища и отметкой, на которой установлены генераторы. Созданный благодаря этому могучий напор приведет в движение девять гидроагрегатов по 300 тысяч киловатт каждый, общей мощностью в 2700 тыс. киловатт.

Пока плотина дала жизнь трем агрегатам. Но главная часть гигантского труда по сооружению гидростанции уже позади. Труда, который граничит с подвигом, а подчас и является им. Понять, почему это так, можно лишь, узнав, что же такое Нурекская ГЭС.

Начнем с плотины, о которой вы кое-что уже знаете. Она относится к типу каменнонабросных и, кроме «пробки» — железобетонной плиты в основании, — целиком сооружается из местных природных материалов. Центральная часть — суглинистое ядро, по бокам — призмы из галечника, наконец, по обеим их сторонам — пригрузка из камня.

Случись землетрясение — а они в Средней Азии, как известно, нередки, — эта пригрузка не даст плотине разрушиться.

Прежде чем приступить к отсыпке плотины, гидростроители сделали ее модель в одну десятую натуральной величины и с помощью взрывов имитировали девятибалльное землетрясение — самое сильное из случавшихся в этих местах. Маленькая плотина прекрасно выдержала испытание. Значит, выдержит, если придется, и большая.

Пулисангинское ущелье узкое, и это благоприятствует строительству высотной плотины. В нее уже уложены десятки миллионов кубометров грунта, а всего их предстоит уложить 56 миллионов. Это означает, что на бывшее дно Вахша будет перемещена огромная гора. Любопытное сравнение привел Ю. К. Севенард, начальник строительства Нурекской ГЭС, в прошлом участник сооружения знаменитой Асуанской плотины на широком, многоводном Ниле: для этой плотины потребовалось столько же грунта, хотя ее высота в три раза меньше Нурекской.

Чтобы осушить дно Вахша, для реки пришлось подготовить новые, рукотворные русла — четыре тоннеля в Сандук-горе, на левом берегу, в четыре яруса, один над дру-

гим. Длина каждого тоннеля — около полутора километров, ширина — 11,5 метров и высота — 10 метров: в нем свободно уместился бы трехэтажный дом. Эти тоннели называются строительными.

Сооружением первого тоннеля и началась стройка. Вернее, не самого тоннеля, а подходных штолен к нему. Еще раньше надо было проложить дороги в горах, чтобы доставлять проходчикам механизмы и взрывчатку. Вскоре в той же Сандук-горе, только выше, нурекские гидроспецстроевцы стали пробивать таких же размеров второй строительный тоннель. Он должен был помочь своему «собрату» вмещать избыток вод в пору паводков.

Пять лет длился начальный этап битвы людей со скалами. 23 марта 1966 года первый строительный был готов, и Вахш устремился в него. Это было первое торжество нурекчан, первый волнующий митинг с флажками — от них будто расцвели мрачные скалы, — с победным маршем оркестра... Накануне русло, которое предстояло осушить, сужали: десятки самосвалов сбрасывали туда груды камней, связки кубов из бетона.

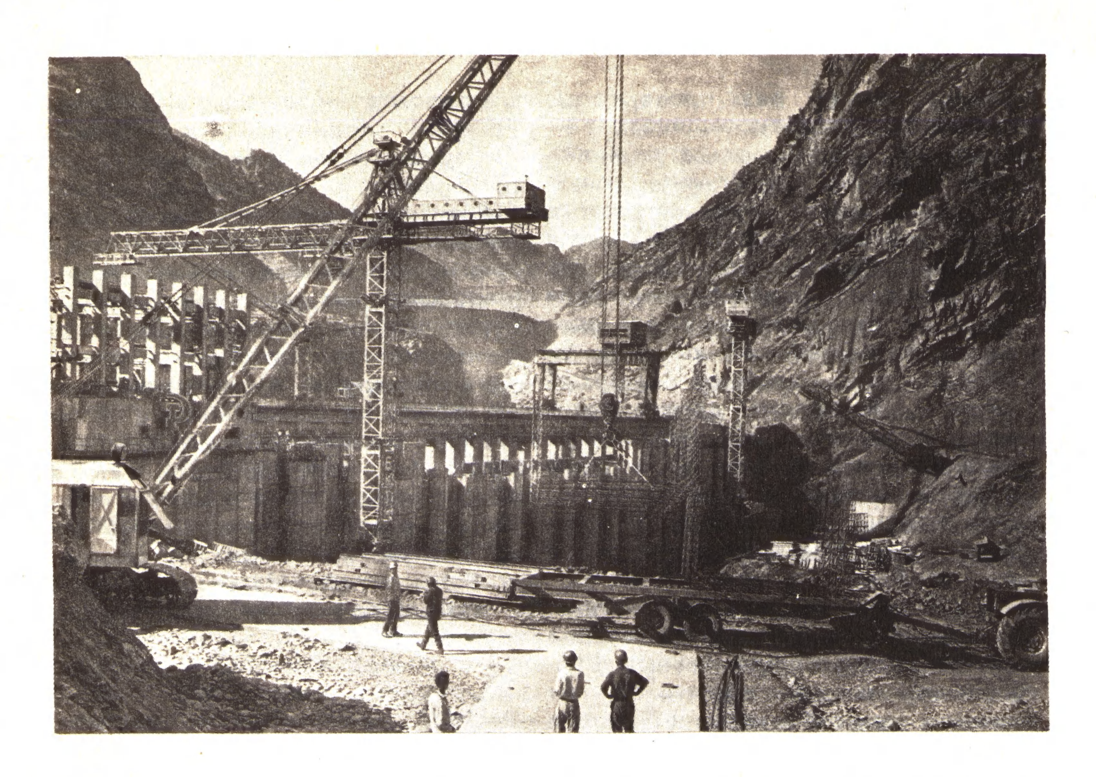
Полгода спустя, в канун 49-й годовщины Октября, дикая река была окончательно перекрыта могучим направленным взрывом. Он обрушил в Вахш специально для этого построенную подпорную стену из бетона и железобетонных клеток — ряжей, заполненных камнем, заготовленные позади нее го́ры галечника, суглинка. Кстати, этому взрыву тоже предшествовал эксперимент — с моделью стены... Верховая перемычка, для которой тяжелые самосвалы привезли около полутора миллионов кубометров грунта, надежно отгородила от Вахша осушенную часть дна.

Весной следующего года сдали в эксплуатацию второй строительный тоннель. Над ним пробивали третий, такой же большой, затем взялись за четвертый. Теперь у проходчиков и взрывников «Гидроспецстроя» уже был немалый опыт, и дело шло быстрее. Зачем же понадобились еще тоннели? Проектировщики рассчитали: когда плотина намного поднимет уровень Вахша, затворы первого строительного тоннеля не смогут выдерживать напор воды, который возрастет вместе с ее подъемом. Тогда тоннели поменяются ролями: второй — с первым, третий — со вторым. Сейчас об этом надо говорить уже не в будущем, а в прошлом времени.

Накануне пуска первого агрегата навсегда опустились тяжелые затворы в камере первого строительного, преградив воде ход через этот тоннель.

Теперь он, уже отслуживший свое, забит бетоном. Это же самое гидроспецстроевцы проделывают сейчас во втором строительном тон-

Общий вид здания ГЭС.

неле, который тоже стал ненужным. Третий же рассчитан на постоянную работу, так как является частью катастрофического водосброса с поверхностным водозабором. Так называется наклонный «отросток», что идет под углом вверх от камеры третьего строительного тоннеля и имеет входной портал на большой высоте, над Нурекским «морем». Зачем это нужно? Судя по давнишним наблюдениям, примерно раз в сто лет случается паводок огромного, катастрофического размера, когда по Вахшу проходит около 5 тыс. кубометров воды в секунду. Случись такой паводок — уровень водохранилища достигнет входного портала «отростка», в камере откроют затворы, чтобы сбросить излишек воды в нижний бьеф и не дать ему перехлестнуть плотину.

Как видите, все пришлось предусмотреть. Иначе и быть не могло: слишком много труда вложено в стройку, нельзя дать стихии его уничтожить. Тем более нельзя допустить опасности наводнения.

Точные, много раз проверенные расчеты проектировщиков — надежная гарантия усмирения любого каприза своенравной реки.

Ну, а какова роль четвертого строительного тоннеля? Это тоже катастрофический водосброс, но с глубинным водозабором. Если один или несколько агрегатов придется остановить на ремонт, то перед ними закроют шаровые затворы, преградив доступ части воды к зданию ГЭС. Чтобы она, накапливаясь в глубине, не подняла уровень «моря» до катастрофической высоты, тоннель, о котором идет речь, будет отводить ее в нижний бьеф.

А теперь вернемся к плотине. 5 мая 1967 года, под ликующие звуки огромных национальных труб-карнаев, тысячи строителей, их семьи снова собрались на большое торжество. Бригада ветерана Нурека Камола Хамсариева уложила первый бетон в «пробку» — фундамент ядра плотины.

«Пробка» росла, ее рассекали поперек три вместительных коридора, так называемые потерны. Выходя из «пробки» уже в виде железобетонных труб, они поднялись на оба склона ущелья, а затем, соединившись, ушли в глубь скал.

Наземные части потерн тоже сооружала бригада Хамсариева, а под землей потерны перешли во владения умельцев «Гидроспецстроя». Они проходили сложные выработки, которые поднялись под углом 45 градусов по обе стороны от ядра плотины на высоту около 240 метров. Через потерны, а также штольни, которые рассекают их во многих местах, строители укрепляют скалу вокруг ядра плотины: бурят скважины и закачивают туда цементный раствор. Служат потерны и для другой очень важной цели: здесь, на разной высоте, установлены десятки приборов с датчиками. Они «докладывают», велика ли фильтрация воды через плотину, каково распределение потока по ее «телу», его скорости, расход, позволяют подсчитать напряжение в разных точках плотины, осадки грунтов.

ВМЕСТЕ С НУРЕКОМ

Сколько ему лет? Давным-давно зная Камола Хамсариева, я вдруг обнаружила, что затрудняюсь ответить на этот вопрос. Дочерна загорелое лицо с просветами в глубине морщин, классическая для восточных старцев седая борода «лопаткой», такой же седой ежик волос... Мысленно прикрываю его голову чалмой, и передо мной портрет древнего мудреца. Да, именно мудрость много прожившего, много видевшего человека, а вместе с ней доброта лучится

из его удивительных для таджика голубых глаз.

Ну, а когда видишь, как невысокий, худощавый, с негнущейся спиной Камол шагает по прутьям армокаркаса, проложенного над глубоким обрывом, или шутя взбегает на кручу, где его бригада бетонирует потерны, кажется, что он еще молод и полон сил...

Мы сидим за чаем на большом ковре в новом доме Камола. Мне доводилось посещать и прежнее жилье его большой семьи. Вспомнив ту старенькую кибитку, спрашиваю:

— Там и жизнь прошла?

— Э, нет! Меня она потрепала вволю, не давала засидеться на одном месте... Это сейчас на моей родине, в Вахшской долине, и лучший в мире хлопок, и колхозы как города, и собственной «Волгой» никого не удивишь, не только телевизором. А лет сорок пять назад, когда я, еще не успев в школу поступить, остался круглым сиротой, все было по-другому. Читали «Человек меняет кожу»? Это о наших местах в прошлом. Бесплодная пустыня, где хорошо себя чувствовали только змеи и скорпионы, у самой реки — болота, заросли камышей такие, что волка, шакала, даже тигра укроют. А я, между прочим, мимо этих зарослей мальчишкой, помощником чабана, гонял отары на горные пастбища...

В наш край той порой съехались люди со всей округи строить Вахшский магистральный канал. Помню, однажды веду овец, а издали доносится музыка. Узнаю голоса гиджаков, дойр, рубобов, ноги сами несут меня на их звуки... Я увидел толпу, какой никогда не доводилось видеть до тех пор — огромную, пеструю, веселую. Старики и молодые образовали широкий круг, прихлопывали в такт пляшущим, подпевали им. Рядом высились целые горы лопат и кетменей. Мне, конечно, невдомек было, в честь чего такое торжество, но как я завидовал его участникам!

Совсем другой стала долина, когда по ней прошел канал: там, где выживали только колючки, переселенцы из исконных земледельческих мест стали выращивать тонковолокнистый хлопок. Он уже приносил молодым колхозам почет и богатство, но тут началась война. Она шла далеко, за много тысяч километров, но горе, причиненное ею, не обходило и наши дома. Принесли похоронную на одного из моих старших братьев, потом на второго... А я все это время по-прежнему был чабаном, все также топтал босыми ногами горные тропы. Когда узнал, что отдал жизнь в бою последний, третий брат, пришел к военкому: «Возьмите и меня, хочу мстить фашистам».

Мне ответили: «Мал еще, но помочь нашим бойцам можешь».

Объяснили: нужно везти на станцию хлеб для армии, а грузовых машин в колхозах совсем не осталось, забрали на фронт. Доставлять зерно до железной дороги придется на ишаках, на верблюдах. Вот мы, несколько подростков, и повели караван по жаре и пыли...

В возрасте, когда нынешние молодые люди школу кончают, я радовался, что наконец-то умею читать и писать. Обучил меня этому добрый человек Миршукур Умаров. У него подрастало четверо сыновей, меня назвал пятым. Мой приемный отец был замечательный плотник и передал мне свое мастерство. Вместе с ним строили колхозные амбары, фермы. А вскоре неподалеку от нашего кишлака, как раз там, где берет начало Вахшский магистральный канал, началось сооружение Головной ГЭС. Пришли к нам в кишлак набирать рабочих. Я посмотрел на отца, он вспомнил мой восторженный рассказ о празднике на строительстве канала, понял без слов, как мне хотелось заслужить право на собственный праздник, и в то же время — как пугало непривычное... Задумался, потом сказал: «Иди, сынок, новое всегда страшит, но ты ведь не робкого десятка...»

На стройке плотники были очень нужны: мы готовили опалубку — сколачивали из досок формы, в которые укладывают бетон, а потом его вибрируют — уплотняют. Работу свою любил, но чем больше присматривался к труду бетонщиков, тем сильнее мне нравилось, как они кладут бесформенную серо-зеленую массу, а получаются бычки, плиты водобоя, подпорные стенки и другие сооружения, равные по крепости скалам. Стал и сам браться за вибратор. Думал, что ничего для этого не надо, кроме силы да привычки к инструменту, который дрожит у тебя в руках. Оказалось, что нужно и головой пораскинуть, какой блок с чего начать, а то так навибрируешь, что в бетоне получатся пустоты, их называют раковинами. И еще опыт скалолаза нужен, чтоб не закружилась голова на высоте, не сорвались ноги с шаткой опоры... Ну, такого опыта мне, чабану, было не занимать.

Приняли меня в бригаду бетонщиков, старался, как только мог. И это приметил Георгий Иванович Аброскин, человек, которого я всегда буду считать своим учителем и братом. Он заставлял меня повышать разряд, усложнял задания, подсказывал, как с ними справляться. Запросто заходил ко мне домой, беседовал с женой, с детьми. Убедился, что «потяну» — выдвинул в бригадиры. А когда закончили Головную, вместе поехали в Нурек, там Георгий Иванович тоже несколько лет был главным инженером...

На этом Камол заканчивает свой рассказ, потому что остальное я

знаю. Вожак бригады, с первых месяцев завоевавшей добрую славу, он сооружал порталы строительных тоннелей, открытую часть селесброса для отвода грязевых потоков от здания ГЭС. Но главным делом бригады стала «пробка», куда пришлось уложить целую гору бетона — 175 тысяч кубометров.

Давно уже это огромное, с пятиэтажный дом, сооружение погребено под еще несравненно большей горой из красно-бурого суглинка — ядром плотины. Будто и не было «пробки» — трехлетнего труда многих десятков людей, которые «варили» и устанавливали армакаркасы, укладывали бетон, покрывали его битумом и смолой, чтобы не разрушала вода... Но кто-кто, а Камол с товарищами знают: «пробка» есть, она надежно держит плотину.

Однако «пробка» и потерны для бригады Хамсариева — почетный, но пройденный этап. Сейчас она сооружает один из важнейших объектов второй очереди гидростанции — постоянный водоприемник, о котором вы еще узнаете. Делает это бригада с такой же любовью и ответственностью, как все, за что берется.

Если возникает какая-нибудь помеха, не зависящая от бригады — перебои с бетоном, с транспортом, с работой крана, — Камол без церемоний тормошит своих начальников, а то и до главного инженера стройки дойдет, но не допустит, чтобы люди простаивали.

Как-то на планерке у Юрия Константиновича Севенарда, начальника «Нурекгэсстроя», был такой разговор. Почти одновременно ушли в отпуск Камол Хамсариев и Мухаббат Шарифов — бригадир бетонщиков здания ГЭС. В первой бригаде все продолжалось как обычно, а во второй вскоре пошел брак. И хотя Мухаббат тоже из прославленных вожаков, хотя в сравнении с Камолом он во многом выигрывает — молод, перспективен, с отличием окончил техникум, — пришлось сказать ему: не в том заслуга бригадира, что рабочие при нем стараются, а в том, что без него...

Зиё Сафаров, Гани Бегов, Хол Кабиров, Абдурахмон Зиёев... Сколько их, прошедших вместе с Камолом весь трудный и славный путь в Нуреке, а то и на Головной. Люди старшего поколения, в недавнем прошлом пастухи и земледельцы, они положили начало рабочему классу Таджикистана, указали дорогу молодым.

А молодые подрастают, учатся, догоняют отцов.

Строгая комиссия — состоявший в ней Камол был к сыну придирчивее, чем к остальным, — не раз повышала бетонщику Каримкулу Хамсариеву разряд. Однако, при-

сматриваясь к работающим рядом монтажникам, юноша убедился, что их дело влечет его сильнее. Разумеется, никто не препятствовал ему перейти в ту бригаду. Ее вожак Геннадий Трегубов, что прошел первую школу труда и мужества на строительстве Братской ГЭС, принес в Нурек ее опыт, стал для Каримкула тем же, что Аброскин для Камола, — другом, учителем, старшим братом. И все-таки основа характера, его стержень у юноши — от отца.

Июньским днем 1971 года, развернув газету, Каримкул Хамсариев нашел имя Камола Хамсариева в списке нурекчан, удостоенных правительственных наград. Первым из тех, кто стал на этой стройке кавалером ордена Ленина.

А еще задолго до того узнал Каримкул, что в первый куб бетона «пробки» замурована капсула с запиской, адресованной далеким потомкам. В ней сказано, что бетон, которому суждено долгие годы выдерживать тяжесть ядра Нурекской плотины, укладывала бригада Хамсариева.

Кто сейчас может знать, через сколько веков закончит Нурекская ГЭС свою службу... Как мы приходим к развалинам древних крепостей и пирамид, придут наши потомки на место, где сооружалось чудо 1960—70-х годов и, наверное, с интересом узнают, как звали одного из его творцов.

У СИНЕГО «МОРЯ»

С каждым днем все выше и выше взбираются БелАЗы с суглинком. Только этого материала надо уложить 8 миллионов кубометров — таков объем ядра центральной, самой высокой части плотины, которая обеспечивает ее водонепроницаемость. Растут по обе стороны от него нагромождения галечника, камня. А перед плотиной плещется водохранилище — Нурекское «море». Как настоящее море, оно ярко-бирюзовое в ясные дни, свинцовое в ненастье.

Родилось это «море» в сентябре 1972 года.

— Ну и чудо! — обменивались восхищенными взглядами старожилы Нурека.

Они не забыли, как из кранов, пока не построили отстойник, текла мутная вахшская вода кофейного цвета. А теперь и Вахш ниже гидростанции, в городе, стал голубым, чистым, прозрачным. Ведь «море» — тоже отстойник, только неизмеримо больший, и воду для города давно уже берут из него.

Особенно красиво оно с перевала Шар-Шар, по которому вьется шоссе, ведущее в Дангару и дальше, на юг республики. Дангаринский район пока выращивает мало хлопка: его нечем поливать. Но придет и на его поля большая вода: от Нурекского «моря» уже давно

Общий вид Нурекского водохранилища.

пробивают 14-километровый оросительный тоннель. Многие его строители принесли сюда богатый опыт, обретенный в Нуреке.

Нурекское «море» растет вместе с плотиной; целиком заполненное, оно разольется на 70 километров в длину, вместит 10,5 миллиарда кубометров воды. Вокруг него уже сейчас создался особый микроклимат: в городе уменьшился летний зной, повысилась влажность воздуха. В дальнейшем здесь можно будет выращивать совсем новые для Таджикистана субтропические культуры — лимоны, апельсины. На берегах «моря» построят санатории, пионерские лагеря, туристическую базу. А главное — оно даст воду для орошения 560 тысяч гектаров засушливых земель, превратит их в сады и хлопковые плантации.

Часть этой грандиозной работы «море» уже выполняет. Четыре раза за время своего существования оно заметно мелело: воду отсюда спускали на поля Вахшской долины, братского Узбекистана и Туркмении, чтобы вдоволь напоить, и они благодарно отзывались намного большими, чем прежде, урожаями хлопка. А потом «море» снова наполнялось. Оно стало любимым местом отдыха строителей. Покачиваются на его зыби лодки, катера, то здесь, то там видны фигуры рыболовов.

Впереди плотины, у самого начала «моря», много выше сегодняшнего уровня его воды среди правобережных скал воздвигается мощное сооружение из армокаркасов и бетона — нечто вроде трех сросшихся башен. Это постоянный водоприемник. Само название его свидетельствует: он будет принимать воду «моря». К концу 1976 года — к пуску нового агрегата — плотина вырастет так внушительно, что позволит «морю» подняться на целых 100 метров, подойти к приемнику, который будет тогда уже готов.

Постоянным он называется в отличие от значительно меньшего временного, принимающего воду «моря» с тех пор, как начали действовать первые агрегаты гидростанции. Куда же потом идет эта вода?

Если войти в глубь сложных переплетений железобетона, образующих постоянный водоприемник, станет видно, что скала, к которой он примыкает, рассечена широким, длинным тоннелем. Отправляться в путешествие по нему без провожатого не стоит: заблудитесь. Этот так называемый подводящий тоннель разветвляется в глубине горы на сложный лабиринт выработок-водоводов: горизонтальных, вертикальных, наклонных. Назначение подземного комплекса, созданного на правом берегу Вахша, — подавать воду из верхнего бьефа гидростанции на рабочие колеса турбин.

Спускаясь с огромной высоты под могучим напором, вода способна разнести в прах даже самые крепкие скалы. Поэтому тоннели правого берега, кроме бетона, одевают изнутри в толстые кольца из прочнейшей стали, которые затем сваривают друг с другом. Так на всем протяжении каждого тоннеля образуется стальная труба. Между ней и скалой, для еще большей прочности, укладывают бетон.

33 километра подземных выработок проделали в общем итоге нурекские проходчики и взрывники. По величине, сложности и разнообразию этот комплекс не имеет равных в мире. В Нуреке впервые применили буровую установку СБУ-4 и многие другие новые механизмы для горных работ; в технологию этих работ гидроспецстроевцы внесли немало своего, творческого, оригинального. Самый опытный и умелый из них, вожак бригады, работающей на стройке с первых дней, коммунист Владимир Никитович Остапов недавно стал первым в Нуреке Героем Социалистического Труда.

Хозяевами идут по улицам Фархады наших дней в сапогах, спецовках и касках. Они гордятся своим делом, гордятся и городом, самым юным в республике. Выразителен облик Нурека, его планировка, аллеи экзотических деревьев, рисунки на фасаде самого большого дома, отбитые по сырой штукатурке студентами Московского художественного института... Город, насчитывающий сегодня 27 тысяч жителей, вырос на месте кишлака всего за несколько лет.

Сегодняшний Нурек — вполне современный город, с широкоэкранным кинотеатром, со зданиями школ не хуже московских, с гидростроительным техникумом, с недавно открытой швейной фабрикой. Здание «Нурекгэсстроя» украшает бронзовая фигура всадника на диком коне — символ побежденного Вахша.

За свои 15 лет Нурек принял столько гостей, что иным городам не случалось и за столетие. Особенно глубоко запала в душу нурекчан встреча с Л. И. Брежневым. Ее дата — 2 сентября 1970 года — стала вехой в истории стройки. В разные годы, на разных стадиях строительства ГЭС Нурек посещали А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров и другие руководители партии и правительства. В конце ноября 1974 года, в дни празднования пятидесятилетнего юбилея республики и Компартии Таджикистана, в Нурек приезжал Н. В. Подгорный.

Никто из нурекчан не удивляется, услышав на улице или на створе плотины иностранную речь, встретив французов, или американцев, или посланцев Африки. Весь мир интересуется строительством самого мощного из среднеазиатских гидроузлов.

Вехой в истории стройки стал для нурекчан приезд Л. И. Брежнева.

Первым делом гости отправляются полюбоваться «морем». Потом возвращаются на противоположную сторону плотины, и перед ними открывается грандиозная панорама здания ГЭС.

Где-то внизу с огромной скоростью вращаются упрятанные в железобетонные кожухи колеса турбин. Не виден их труд, но о нем свидетельствуют миллиарды киловатт-часов, уже поступивших в энергосистему республики.

Там, где турбины и генераторы, — машинный зал. С правого берега к нему примыкает тоже внушительных размеров монтажная площадка: здесь собирают гидроагрегаты из отдельных узлов, прибывающих с заводов. Рядом —

красивый пятиэтажный корпус управления, его залы оборудованы сложной автоматикой: легкому нажатию кнопок на пультах повинуются многотонные махины-агрегаты, стоящие перед ними шаровые затворы.

От монтажной площадки до левого берега, над линией агрегатов — и действующих, и тех, что еще предстоит установить, — высится эстакада: два ряда сорокаметровых колонн с общими перекрытиями. По перекрытиям уложены рельсы для двух сверхмощных козловых кранов: каждый способен поднять до 360 тонн. С помощью этих кранов собирают и доставляют на свои места каждую часть агрегата. Краны останутся здесь и дальше: какому-нибудь узлу турбины или генератора может потребоваться ремонт, надо будет перенести его на монтажную площадку, потом обратно.

Нурекская ГЭС — энергетическое сердце Южно-Таджикского территориально производственного комплекса, создаваемого по Директивам XXIV съезда партии. Сюда входят строящиеся сейчас заводы-гиганты: алюминиевый в Регаре, электрохимический в Яване; на первой очереди алюминиевого уже выплавляют «крылатый» металл.

Оба предприятия энергоемкие: они будут потреблять очень много энергии. Именно эту энергию и даст Нурек.

НУРЕКСКИЙ ХАРАКТЕР

Что делает время: с Леночкой Кияшко уже можно вести почти научный спор о том, что хуже — дождь с утра до ночи или палящее июльское солнце, от которого люди тоже ходят мокрые... Скоро об этом начнет рассуждать Оксана, а у ее старшей сестры появятся новые темы. Что же до друзей их отца, Анатолия Кияшко, то они хорошо помнят время, когда ни Леночки, ни тем более Оксаны еще не было даже в проекте, не было и крыш в Нуреке, которые бы не текли. Уж если тогда, в 1961 году, разыгрывался дождь, то обитатели бараков и брошенных прежними хозяевами кибиток, ложась спать, ставили на себя таз: пусть уж капает в него.

А во что дождь в ту пору превращал дороги, знает лишь тот, кому доводилось ездить по ним. Вот почему старожилы словно о подвиге вспоминают о том, как комсомольцы, начинавшие стройку, везли сюда первый подъемный кран. Кран то тонул вместе с машиной в грязи, то «не вписывался» в горные серпантины, то ломал своей тяжестью ветхий мост... Анатолий знает все подробности этого путешествия, хотя сам в те дни был занят другим. Знает по рассказам участников — двух Борисов, Шапкина и Галича, а также

Валерия Саакяна, — своих самых близких друзей.

Валерий, начальник созданного тогда комсомольского штаба стройки, — высокий, широкоплечий, смуглый. Стоило Валерию взяться за что-то всерьез — вспыхивали его черные, почти сливающиеся со зрачками глаза, их огонь зажигал всех, кто находился рядом. Штаб, когда его возглавлял Саакян, был истинной силой.

Много разных людей съехалось на стройку. Большинство она привлекала масштабами, романтикой, новыми проблемами, возможностью найти себя, испытать в настоящем деле. Но были и другие, те, кому берега Вахша казались чем-то вроде бездонной кассы с «длинными» рублями. Были, увы, и откровенные пьяницы, хулиганы; в тогдашней неустроенности, разобщенности нурекчан, еще не успевших перезнакомиться, они видели благодатную почву для того, чтобы без препятствий, неизбежных в иных местах, жить, как им хотелось.

Вот эти-то «гастролеры» и пытались первое время установить в Нуреке свои порядки. Пройти поздним вечером по тогда еще плохо освещенным улицам было немалым риском: запросто могли избить или ограбить.

В один из таких вечеров Валерий сказал:

— Вот что, ребята, пошли!

И они пошли всем штабом, не только трое атлетов — Саакян, Кияшко, Галич, — но и маленький, верткий Шапкин, совсем пацан на вид, и как бы соперничающие между собой, кто тоньше, Галя Ковальчук, Ира Тележникова, Люся Сартакова. Надев красные повязки, рассыпались в разные стороны, как бы давая понять хулиганам, что не мускулами — силой духа готовы стереть их с лица земли...

Все первое в городе обязано своим рождением первым комсомольским бригадам. 50 шоферов самосвалов под началом Анатолия Кияшко возили глину для отстойника — хватит жителям таскать ведрами из Вахша коричневую воду! С ними соревновались в искусстве не жалеть себя девушки бригады Веры Давыдкиной: отделывали первые дома. Электрик по профессии, Валерий Саакян возглавил бригаду, которая готовила к пуску дизельную станцию, их бессонный труд приблизил горячо желанное «да будет свет!». Бригада монтажников Бориса Шапкина собирала первый кран, привезенный дождливой ночью вопреки тысяче преград.

Как-то в вагончик штаба заглянул Юрий Николаевич Чайковский, начальник одного из стройуправлений:

— Выручайте, друзья, снабженцы «не тянут». Комсомольцев бы на это дело!

Назавтра Бориса поздравили с новым назначением. Он возмущал-

ся, ругался, но час спустя уже ехал что-то «выбивать». В помощь ему дали Олега Мелентьева. В первые же дни новоявленные снабженцы обнаружили, что стройке не додают кирпича. Кияшко с Галей Ковальчук поехали на завод учинять разнос. Туго пришлось и местным любителям «плохо лежащих» материалов от всевидящих комсомольских постов.

...Чем плотнее заполнена каждая минута, тем быстрее бег жизни. Вот и промчались пятнадцать лет, принесли огромные перемены. Бывший начальник первой дизельной электростанции Борис Галич долго потом возглавлял базу тяжелых машин, а сейчас директор авторемонтного завода близ Душанбе. И Кияшко с «баранкой» давным-давно расстался. Заочно с отличием окончил институт, был начальником цеха Нурекского завода железобетонных изделий, который в ту же пору возглавлял Саакян. Высокий пост прибавил Валерию солидности, но стремление все повернуть, изменить, нетерпимость к застою оставались теми же, комсомольскими. Его увлекало все — автоматизация управления гравхозяйством, установка для приготовления высокопрочного щебня, замена металлических сит резиновыми...

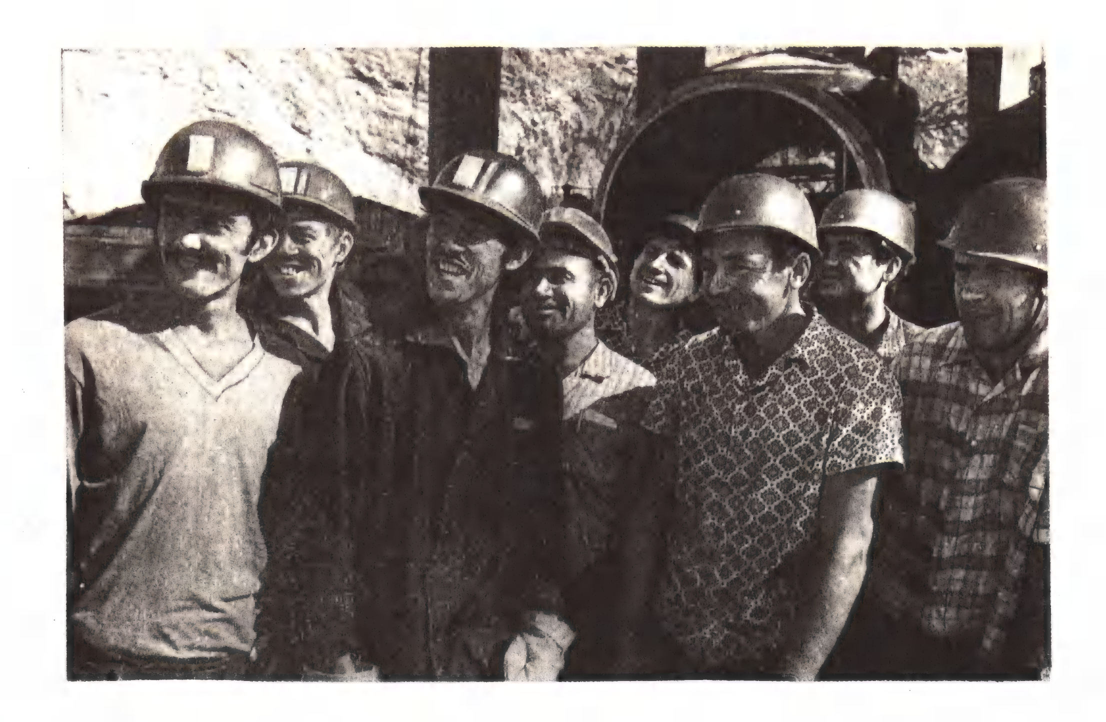
Впрочем, новшеств лишь в масштабах завода было мало для его неутомимой натуры. Возьмет вдруг и подсчитает, что даст стране рост производительности труда всего на один процент. И уверяет: стоит рабочим узнать, как фантастически велика эта сумма, стоит увлечь их идеей употребить ее, скажем, на организацию детского досуга, как этот самый процент будет тут как тут... С ним можно и нужно было спорить, но вряд ли кто предпочтет собеседника, с которым спорить не о чем.

Друзья не расстались и сегодня, хотя оба покинули Нурек ради другой стройки — Курской атомной. Видно, такой уж у них характер — быть там, где труднее всего.

Наверно, это неизбежно приходит с годами — убеждение, что мы в молодости были лучше пришедших нам на смену. Вроде бы не тот задор у нынешних комсомольцев в работе: им и условия создавай, и полновесным рублем плати. А Кияшко с друзьями — это хорошо помнят Анатолий Дудлин, Федор Сычев и другие шоферы-ветераны — три месяца возили глину для отстойника почти бесплатно: слишком легка, платили же за грузы с веса... И дежурить в дружине сегодня из молодежи не всякого уговоришь...

А все же сентябрьским вечером 1967 года, когда неожиданно вышел из строя главный трансформатор, оставив город и створ без света и энергии, первой борьбу с аварией начала молодежь — ребята из ре-

Группа строителей Нурекской ГЭС.

монтной бригады высоковольтников Михаила Зинина: Виктор Сахно, супруги Козьма — Володя и Рая. Они налаживали движки для главных жизненных центров города — больницы, милиции, пекарни, пытались вернуть в строй «заболевший» трансформатор. Убедившись, что «болезнь» безнадежна, поехали за другим, переданным Нуреку из Явана, сопровождали махину в трудном пути по дорожным серпантинам, монтировали, подключали в сеть... Неделю ни один из них не позволил себе даже забежать домой. Прикорнут где-нибудь в углу мастерской на часок — и снова за дело.

Бессонной стала эта тяжелая неделя не только для электриков. В первый же вечер кромешной тьмы на главной улице города раздался выстрел и крик — так кричать можно, лишь прощаясь с жизнью. Многие выскочили из квартир, но что увидишь, если ночь безлунная и вокруг ни единого огонька?

Наутро узнали, убит Сангак Сафаров. Всего полтора месяца он успел поработать в милиции. Здеш-

ний, туткаульский, Сангак знал, что его кишлаку суждено уйти под воду Нурекского моря, но так надо было для блага людей, и он делал все, чтобы это море родилось, на совесть работал в бригаде бетонщиков. Робу строителя сменил на милицейскую форму по зову сердца: хулиганов, воров, пьяниц считал личными врагами и бороться с ними хотел тоже лично.

В роковой вечер Сангак патрулировал по городу. Какой-то пьяный выкрикивал грязные слова. Сангак сделал замечание, хулиган вынул нож. Смертельно раненный, милиционер выстрелил, но рядом никого уже не было. Убийца надеялся, что тьма все скроет. В самом деле: попробуй найди, если никто его не видел. И все-таки он был найден и получил свое. В числе шерлок холмсов нурекской милиции, раскрывших это подлое преступление, был комсомолец Саидахмад Одинаев, тогда рядовой оперативник угрозыска, теперь — его начальник.

...Саидахмад и Женя Степаненко едва знакомы. И дела, которыми они прославились, тоже совсем разные. И все-таки они похожи — их сближает цель и умение добиваться этой цели, скольких бы сил, нервов это ни стоило.

Евгений возглавляет комсомольско-молодежную бригаду проходчиков. Профессия у него потомственная: вырос в Краснодоне, городе, где каждый второй — шахтер. Им был отец, им стал старший брат Виктор. Едва распрощавшись со школьной партой, Женя пришел к нему на «2-ю Северную», ту самую шахту, которую незадолго до того прославил на всю страну Николай Мамай... Ровесники Жени начинали с подсобных работ, он же сразу приобщился к главной профессии — забойщика. Помогли не только широкие плечи и рост баскетболиста, но еще и упорство.

Это основное свойство его натуры не раз потом давало о себе знать в Нуреке, куда братья Степаненко приехали в 1962 году. Особенно ярко проявилось оно десятью годами спустя.

...В конце сентября 1972 года, в самые жаркие предпусковые дни, случилось непредвиденное. Через тело плотины стало просачиваться намного больше воды, чем допускали нормы. Грозная сила потока могла размыть отсыпанную часть ядра, и тогда не удержался бы даже крепчайший железобетон сооружений здания ГЭС.

На экстренном совещании главных специалистов в штабе стройки выход был найден. Трудный, но надежный.

Много отверстий зияет в Сандук-горе. Одно из них — в самом створе плотины, на большой высоте. Это подходная штольня 1С. Когда-то из нее пробивали ствол камеры затворов первого строительного

тоннеля. Теперь эта давно уже ненужная штольня решала судьбу стройки: из нее предстояло немедленно пробить вертикальный 26-метровый шурф вниз, во второй строительный тоннель. Туда устремятся через шурф фильтрующие воды и, не причиняя никакого вреда, будут уходить в нижний бьеф.

Оставалось решить последнее: кто это сделает? У кого хватит сил и мужества несколько суток трудиться в узком шурфе, где не развернуться никакой технике, так что больше придется полагаться на собственные руки... Начальник управления «Гидроспецстрой» Дмитрий Михайлович Комиссаров назвал фамилию Степаненко. И все в прокуренной комнате штаба подтвердили: этот сумеет.

А назавтра Евгений, два Анатолия — Атропов и Русских, Алексей Киприянов и остальные проходчики бригады пришли на уже очерченный маркшейдерами прямоугольник сечением 2,4 на 1,5 метра. Сначала шло привычное — бурение, взрывы, но чем больше углублялись в узкий, сырой колодец, выбиваемый в скале, тем явственнее казалось ребятам, будто они уже век в этом склепе.

Вода стучала по каскам, обдавала холодным душем, становилось все труднее дышать. А надо было не только смириться с тяжестью перфоратора, его вибрированием, грохотом, но и вытаскивать наверх породу, бадья за бадьей, а он, этот верх, отодвигался все дальше. Распределились по четверкам: двое внизу наполняли, двое наверху принимали, опорожняли бадью. В сутки удавалось пройти по два, потом лишь по одному метру...

Но всему приходит конец. И в последнюю ночь, когда силы были уже на исходе, из глубины шурфа донеслось долгожданное:

— Бетон!

Значит, дошли до цели, до бетонной обделки тоннеля.

Утром стройка чествовала героев. А в пробитый шурф уже неслась вода, получившая нужный путь и потому безопасная.

...В тот день Курбан Хуррамов чуть завидовал Жене, старому другу, с которым все десять лет делил нурекские тяготы и радости. А впрочем, на долю Курбана, тоже гидроспецстроевца, выпало не меньше серьезных дел.

Один из лучших взрывников, он участвовал в сооружении всех бесчисленных нурекских тоннелей, без него не обходилось ни одно новое начинание. Вот, скажем, экспериментальная наклонная выработка для водоводов второй очереди. Дело тут вот в чем. Каждый из трех водоводов первой очереди, давно уже действующих, состоит из двух частей: вертикальной, по которой вода, поступающая из «моря», спускается до уровня здания ГЭС, и горизонтальной, подводящей воду к

турбине. А водоводы второй, затем третьей очереди будут иметь существенное отличие: вместо вертикальных — наклонные части, спускающиеся под углом в 45 градусов к зданию ГЭС. Выгода прямая: пусть наклонную выработку проходить труднее, зато самой проходки меньше. Уменьшается и потеря напора воды, неизбежная при ее переходе из вертикальной в горизонтальную стальную трубу.

Начинать эту сложную работу — открывать путь другим — поручили Курбану. Ведь ему подвластны были и взрывы огромной силы, от которых нурекчане ощущали толчки словно при землетрясении. В такие мгновения обрушивались сотни тысяч кубометров скалы. Так надо было, чтобы придать склонам ущелья в том месте, где сооружается ядро плотины, нужные очертания.

Как ни велик опыт, невозможно оставаться спокойным, когда предстоит очень ответственное дело. Волнуется, понятно, и Курбан. Но чтобы подбодрить товарищей, всякий раз прячет волнение. В самые напряженные минуты перед взрывом этот высокий, худой, кудрявый парень задорно улыбается.

Лишь раз надолго угасла эта всему Нуреку знакомая улыбка. Курбан представлял нурекскую молодежь в Караганде, на спартакиаде ударных комсомольских строек. А когда вернулся, его ждала опустевшая квартира и записка: «В случившемся ты сам виноват».

В чем же был виноват Курбан? Только в том, что не поддался уговорам жены, рвавшейся в большой город. Отказался бросить дело, которому отдавал силы, мастерство.

— Как ты поступишь? — спросили его на собрании, где принимали лучших сынов комсомола в партию.

— Останусь здесь, — твердо ответил Курбан.

И увидел поднявшиеся руки — это голосовали за него. И услышал негромкое: «Нурекский характер у парня...»

Нурекский характер! Видно, под этими словами имелось в виду все лучшее, что родилось в юном городе вместе с его домами и школами, тоннелями и высоковольтными линиями, — преданность создателей этого своему делу, умение не отходить от своей линии. Видно, всё это учли в далекой Москве, откуда в честь 50-летия комсомола пришел указ о награждении Нурекской комсомольской организации орденом Трудового Красного Знамени.

НЕ ИЗ ПУГЛИВЫХ

С Джумагуль Назаровой мы подружились в первый год после моего приезда в Нурек. Познакомил нас Самад Юнусов, тогда секретарь горкома комсомола.

— Видите молодую таджичку в кабине башенного крана? Год назад я помог украсть Джумагуль... с ее собственной свадьбы.

Джумагуль выросла в кишлаке Дагана, по соседству с Нуреком. Ничем не отличается этот кишлак от других: те же тополя и тутовник, и журчащая речка, и бурые, под цвет здешних гор, будто вырубленные прямо из них, кибитки. У Джумагуль, как и у ее подружек, много тонких косичек, перехваченных на концах разноцветными шнурками, румянец, пробивающийся сквозь смуглоту щек, живые, ясные глаза.

Кто только не засматривался на эти глаза, к которым очень подходит традиционное сравнение со звездами... Но родители Джумагуль Назаровой не спешили давать согласие ни одному из претендентов на руку дочери — поднимали цену. Да, да, не удивляйтесь, именно цену.

Вы, конечно, читали или слышали о силе связанных с мусульманством старых, вредных, унизительных обычаев. Они и сейчас соблюдаются во многих азиатских странах, с ними была неразрывно связана вся жизнь народов дореволюционной Средней Азии. Оставались они и после Великой Октябрьской социалистической революции: с тем, что укоренялось в сознании людей веками, трудно покончить за годы, даже за десятилетия.

Особенно долго задержались эти обычаи там, где ниже культура, где сильнее власть религии, — в далеких горных кишлаках. Там и с последней паранджой распрощались не в двадцатые — в пятидесятые годы. Так на полях стрекочут сеялки, а в лесной чаще еще не стаял снег.

В Дагане считалось само собой разумеющимся, что старый Шариф Назаров и его жена соблюдают мусульманский пост — уразу, когда почти месяц с восхода солнца до заката нельзя ни есть, ни пить, что старшей дочери не позволили окончить школу. Напрасно пытались говорить с ними учителя, напрасно приводили в пример таджичек-ученых, директоров фабрик, Героев Социалистического Труда. Глухи оставались Назаровы. Пусть другие как хотят, а над своей дочерью они пока что хозяева. «Не иначе как калым уже взяли за Джумагуль», — думали учителя, покидая негостеприимный дом.

Говорить о калыме в открытую теперь не решались даже непреклонные в своей верности старине Назаровы. Это можно было назвать куда безобиднее — подарки невесте. Вот с ними и пришел к отцу Джумагуль человек, которому она годилась в дочки. А сердце ее, между тем, было отдано другому: Ермахмаду Загакову.

Чего только не знает этот невысокий худощавый парень: то о книге расскажет, то о Севере, где служил в армии, то о Нурекской ГЭС,

сооружаемой в пяти километрах от их кишлака. Там работают люди со всей страны, много и здешних уроженцев, таких, как Ермахмад. Он пробивал первую дорогу на створ, укладывал фундаменты первых домов, спал под открытым небом. Ну, а теперь в Нуреке есть где жить, и он зовет туда Джумагуль.

Однажды она заикнулась об этом:

— Не дали учиться, пустите работать.

— Женщине работать — только мужчин смешить, — сквозь зубы ответил отец. — Ты что, голодна или надеть нечего? Запомни: никогда коза не даст столько молока, сколько корова, а из ячменных зерен не вырастет пшеница... Как-нибудь без тебя построят Нурек.

О том, чтобы стать женой Ермахмада, говорить с родителями и вовсе было бесполезно: все его имущество — выгоревшая гимнастерка. В кишлаке, где виден каждый шаг, трудно скрыть тайные встречи. Узнал отец, рассвирепел:

— Бесстыдница, еще такого позора не хватало! Вот здесь до самой свадьбы будешь сидеть, — и, втолкнув дочь в комнату, запер дверь.

...Куда девался блеск глаз, покрасневших от слез! До затворницы доносится запах плова, звон посуды: вечером свадьба. Во дворе рядами составлены столы, пируют гости. Какой-то мальчишка, юркнув мимо Джумагуль, всовывает ей в руку записку: «Подойди к дувалу». И, хотя мать не отставала ни на шаг, Джумагуль все же как-то удалось подкрасться к дувалу — глинобитному забору. Сильные руки Ермахмада подхватили ее, а рядом уже ждал «газик» Самада Юнусова. Так Джумагуль очутилась в Нуреке.

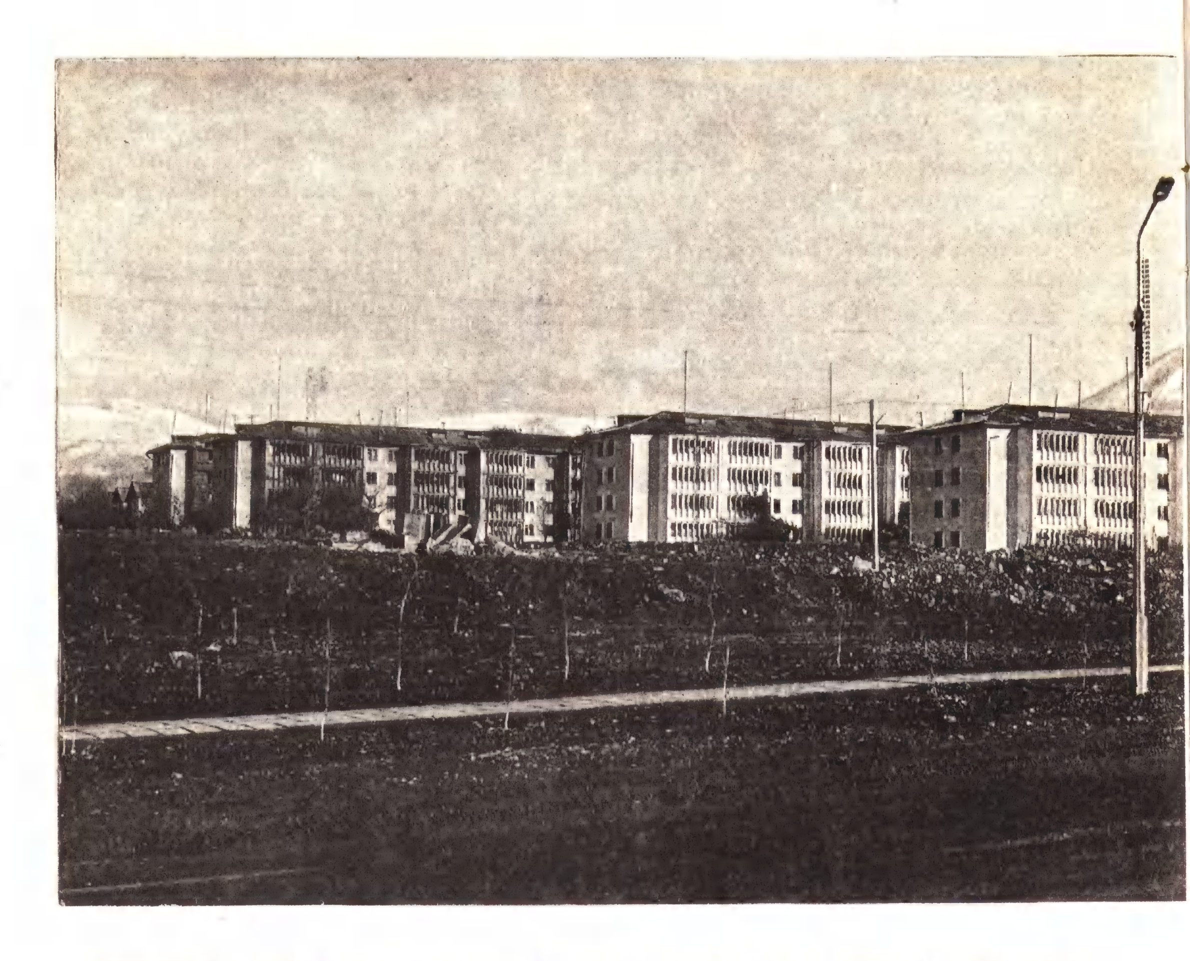
Мы часто вспоминаем, каким он был в те времена: несколько четырехэтажных домов — первые островки среди моря кибиток и наспех слепленных бараков. Летом ноги утопали в пыли, зимой в грязи.

И все-таки он и тогда был хорош, наш городок, с двух сторон стиснутый горами. У подножия одной из них вьется Вахш. Напоенный снегами Памира, он разливает волшебную прохладу. Склоны горы поросли кудрявыми фисташками, весной здесь вспыхивают кострами бесчисленные тюльпаны и маки, а трава зеленеет все лето.

Над этой горой восходит солнце, по целым дням жжет склон другой горы, той, что напротив, и на нем господствует бурый цвет увядания.

Прежде Джумагуль, хоть и жила рядом, не подозревала всей грандиозности того, что происходит между этими горами. И когда Ермахмад впервые привел ее на створ, долго стояла, забыв обо всем на свете. Не мудрено: нурекская стройка

Юный город энергетиков продолжает расти.

поражает и видавших виды людей. Могуч и своенравен Вахш, а здесь, в самом узком месте, он так пенился, бурлил, что на него страшно было смотреть.

— Потому и выбрали для гидростанции это место, — рассказывал Ермахмад. — Стоит перегородить Вахш плотиной, и вода быстро накопится перед ней.

Джумагуль напряженно слушала, силясь понять, и гордилась своим Ермахмадом: он сам строит этот гигант и рассказывает о нем свободно, будто инженер. А он всего лишь машинист крана. Хотя

почему «всего лишь»? Разве она смогла бы когда-нибудь управлять такой махиной?

В городе, где все кварталы — сплошная стройка, тоже много кранов. Растут стены нового дома, и кран, словно игрушечную, подхватывает панель. Это башенный кран, совсем не похожий на тот, что у мужа, — гусеничный.

— Башенный легче в управлении. Поэтому на большинстве из них машинисты — женщины, — объясняет Ермахмад.

И правда, из кабин глядят женские, но... всё русские лица.

— Кто-то из таджичек должен начать, — говорит Ермахмад. — Я хочу, чтобы это была ты. Самад уже приготовил путевку в Ташкент, на курсы.

Минуту назад это казалось невозможным. Но Джумагуль не выдала своих сомнений. Муж верит в нее, и она докажет, что не зря.

Полетели дни занятий, стажировки. Когда Джумагуль впервые поднималась по узенькой лестнице крана, эта лестница казалась ей бесконечной. «Вот оступлюсь, и тогда...» Молодая женщина отгоняла эту мысль. Как далеко видно из кабины, люди кажутся ненастоящими. В крохотной кабине Джумагуль старается плотнее прижаться к стене, чтобы не мешать инструктору. Здесь тоже страшно: кабину качает, будто лодку на волне. Только бы спуститься обратно на землю, больше она к крану и близко не подойдет. Стоит ли вникать в объяснения инструктора? А та, будто невзначай, говорит:

— Ты держишься молодцом! Мне в первый раз так страшно было...

Значит, и другие через это прошли? Значит, дело в привычке? Ну конечно же, вон как быстро инструктор спускается по винтовой лестнице! Через неделю Джумагуль только смеялась над своими опасениями. Но снова дух захватило, когда подала каменщикам первый поддон с кирпичами...

В Нурек вернулась крановщицей. Первыми шагами новенькой руководила Лидия Шубалина, одна из лучших механизаторов. Вместе они сооружали школу, а потом Джумагуль перешла уже самостоятельно на кинотеатр «Вахш». Восторженно рассказывала мужу: «Вахш» станет самым красивым в республике, ленинградские и таджикские мастера украсят фасад мозаикой в восточном стиле.

Восхищало ее и то, что Лида Шубалина учится в вечернем техникуме вместе с Ермахмадом.

— Что ж, догоняй, — посоветовал муж.

И Джумагуль поступила в школу рабочей молодежи.

По выходным, пока она занята домашними делами, Ермахмад читает ей вслух книги о Спартаке, «железном хромце» Тамерлане — Джумагуль любит историю. А то садятся на недавно купленный мотоцикл и мчатся к озеру освежиться. Что может быть приятнее в сорокапятиградусную жару? Но иные бросают им вслед презрительные взгляды: таджичка — и раздевается перед посторонними! Древний закон строжайше запрещает это, тот самый закон, что прежде запрещал женщине открывать лицо... Джумагуль не обращает внимания на злобные реплики, мучает ее лишь то, что родители отступились от дочери, нарушившей их волю.

Но появилась на свет маленькая

Джамиля, и однажды в квартиру неуверенно постучали.

— Ты посмотри, кто пришел! — смеясь и плача, кричала мужу Джумагуль.

Не выдержало сердце бабушки, пришла взглянуть на внучку.

— Только чтобы отец не узнал, — предупредила мать. — Болен, долго не протянет. Если узнает, что я тут, даже перед смертью не простит... Ну, а ты-то что думаешь? Уж теперь, когда сама стала матерью, начнешь жить, как велит закон?

— Как ваш закон — никогда, — твердо ответила Джумагуль.

И хотя с появлением дочурки хлопот прибавилось, поступила заочницей на исторический факультет университета.

Джумагуль заметили в Нуреке, избрали депутатом городского Совета. И она старалась выполнять свои новые обязанности так, чтобы никто не пожалел о своем выборе.

...Как много на свете хороших книг, журналов, вот бы Джумагуль просидеть за ними целый день! Какой там день — минуты нет свободной. Вот опять трубы играют марш, собирая молодежь на субботник — украшать улицы деревьями, разбивать скверы, чистить арыки, собирать лом. Джумагуль первой берется за лопату, носилки, откладывает на вечер, на ночь контрольную работу. Может ли быть иначе: ее, члена горкома комсомола, только что приняли в партию. Теперь больше, чем когда-либо, люди вправе требовать от нее не слов, а дел.

Все наконец улеглось, исполнилось так, как мечтала Джумагуль. Муж — друг, советчик, опора. Здоровые, красивые дети. В руках — диплом, свидетельство незаурядной воли и труда. Полный достаток: вот и новенькая машина стоит у подъезда, давнишняя мечта Ермахмада. Сейчас объезжает ее, а в отпуск повезет жену и дочек к Каспийскому морю, может, и дальше, к Черному, — ведь кроме Нурекского, они еще никакого не видели.

Тревожный стук в дверь разом оборвал мечту, рассек жизнь, казавшуюся теперь такой прочной, незыблемой, на две половины. Одна была до страшной вести, другая... Впрочем, о том, что будет и другая, Джумагуль знает сейчас, а тогда казалось, больше не будет ничего. Ничего, кроме сплюснутых в лепешку «Жигулей», столкнувшихся на узкой горной дороге с «БелАЗом», и того, что осталось от Ермахмада.

Днем и ночью это видение преследовало Джумагуль. Ее шатало от ветра, черными стали круги под глазами. И, словно тень, молча ходила за ней из угла в угол десятилетняя Джамилька в таком же черном, почти закрывающем лоб плат-

ке. Только Шахлошка недоуменно смотрела на обеих.

Был момент, когда дети — это было единственное, что связывало ее с жизнью. Потом пришла мысль: надо быть сильной, надо работать, в этом ее спасение. Жаль, что еще не скоро учебный год, первый, который Джумагуль должна начать педагогом. Чем бы заняться пока — важным, неотложным, какое найти дело, чтобы захватило целиком, отодвинуло беду на задний план?

Товарищи помогли ей найти такое дело.

Неподалеку от их дома как-то удивительно быстро выросло большое железобетонное здание швейной фабрики. Его уже украшали узорной солнцезащитой, в широких окнах по вечерам уже загорались неоновые светильники. Скоро фабрика откроется, ей нужно много работниц, прежде всего молодых. И Джумагуль вместе с представителями горисполкома, горкома комсомола стала ездить по окрестным кишлакам. Много девушек, тамошних жительниц, окончивших кто восемь, кто десять классов, сидели дома. Почти все они охотно соглашались учиться на швей-мотористок, но это еще далеко не все: что скажут родители?

Уговорить родителей было потруднее: ссылались на дальнюю дорогу — вдруг кто-нибудь обидит, придумывали и другие причины. Джумагуль не спорила — предложила поехать посмотреть. Собрались только двое из отцов — что ж, и это неплохо. Вскоре Джумагуль уже показывала им цеха, машины, классы для открывающихся курсов, упомянула, что девушек на работу и домой будут возить на автобусе. Отцы остались довольны, назавтра их дочери подали заявления. За первыми «ласточками» потянулись их подружки.

Сейчас на швейной фабрике почти две трети ее рабочих составляют девушки-таджички. В этом немалая заслуга Джумагуль. Само собой получилось: начав жить заботами фабрики, она почувствовала себя связанной с ней и осталась здесь начальником отдела кадров.

Дел впереди множество: молодое предприятие будет расти, придется набирать для него работниц уже не только вокруг Нурека — и в соседних районах. Джумагуль справится с этим. Пережив непоправимое горе, она осталась тем, кем была, кем сделал ее Нурек — достойной труженицей, матерью, человеком.

БУДЬ ВСЕГДА ТАКОЙ, РАЕЧКА!

Раечка... Ее называет так весь Нурек, милую маленькую женщину с черными глазами, запрятанными

под стекла очков. Мелкие кудряшки, тоже черные, собраны в пучок, по щекам и лбу рассыпаны крапинки веснушек. Красавицей ее, пожалуй, не назовешь, но ни одной красавице не сравниться с ней обаянием, той притягательной силой, что заключена в приветливом взгляде, в доброй улыбке.

Рая Алишева в тех годах, что называют средними, сын уже школьник, но к ней как-то невозможно обращаться официально, по отчеству. Все в ней располагает к откровенности, к разговору начистоту не только о книгах, которые она знает и любит, но и о таком, что скажешь далеко не каждому. Ведь она и выслушает, и посмеется, и вздохнет вместе с тобой, и поможет. Иногда словом, причем вовсе не обязательно словом согласия — докажет, убедит в твоей неправоте. Иногда — делом...

В том, что Рая умеет отстоять в споре истину, люди убедились давно. Как-то еще в юности в своем родном поселке Варзобе — пригороде Душанбе — она узнала, что на ответственный пост выдвинут недостойный человек. Выдвинут по причинам, далеким от общественных интересов. Многие возмущались этим, шепотом, между собой, но высказаться открыто не решались. А Рая решилась — во всеуслышание на собрании. И большинство присутствующих поддержало ее, молодую девушку.

Нелегко дался Рае этот первый шаг к правде. Один из тех, кто остался в меньшинстве, влиятельный в Варзобе человек, ставил ей в упрек каждую пустяковую ошибку, приписывал даже те, которых не было.

— Что ты натворила, Робия!

Так родным татарским именем зовет ее только мама. Старушка, неграмотная уборщица, видела: не только к дочери — и к ней самой изменилось отношение. А спустя несколько лет Рая, уже работая в Нуреке, приехала погостить на родину, и руководитель, в свое время доставивший ей немало горьких минут, сказал: «Ты была права».

Ну, а о том, что Рая умеет помочь делом, мог бы рассказать Альберт Шайхиев, ее муж. Когда они познакомились, Рая училась на последнем курсе института, он же, шофер, считал, что ему вполне хватит когда-то оконченных восьми классов. Вовсе не зная, как сложатся их отношения, даже не думая еще об этом, Рая стала приучать его к книгам. Старалась пробудить в нем стремление больше знать, повлиять, наконец, на самолюбие.

Парень оказался «поддающимся». Как большую победу, восприняла Рая его согласие поступить в вечернюю школу. Но сколько таких, как он, поступают и бросают при первых же трудностях... Рая облегчала эти трудности как могла. Много работала, но урывала часы,

чтобы помочь Алику написать сочинение, объяснить правила немецкой грамматики.

С этого и началась дружба, общий путь. В Нурек приехали уже вместе, здесь родился их Женя, потом Неля... Невысокий, одного роста с женой, плечистый, крепкий, Альберт и на стройке сел за «баранку». Только это была «баранка» уже не такси, а большегрузного «КрАЗа»: двадцать рейсов за смену, 14 тонн камня или галечника для плотины за каждый рейс. Вначале это настолько выматывало непривычного к такой работе шофера, что, возвращаясь домой, он мечтал лишь сбросить спецовку и лечь. Но, наскоро перекусив, спешил в Гидростроительный техникум. Теперь Рае не приходилось на этом настаивать. Напротив, порой невмоготу было видеть его осунувшееся лицо.

— Ладно уж, Алик, не ходи сегодня. Когда-то надо и отдохнуть.

— Как вас, женщин, понять: помнишь, житья не давала, если школу пропускал, а теперь... — Не договорив, он хлопал дверью.

Сколько бы ни брал на себя человек, в конце концов он втягивается даже в самый стремительный темп, обретает умение ценить и планировать каждую минуту, делать их более емкими. Втянулся и Альберт: уже не дремал на лекциях, а на работе, если доводилось простаивать, раскрывал учебник. Рая избавляла мужа от домашних забот. Но не покидало чувство какой-то вины: «Я-то спокойно в холодке сижу, а он...»

Однако знающие ее жизнь вряд ли согласятся с такой оценкой.

...С немногого начала Рая заведование городской библиотекой. Со старой, подпертой снаружи кибитки — в первые годы стройки и это было роскошью. С портретов великих писателей, с крупно выписанных цитат из их книг, с выставок и витрин, посвященных литературным датам. Поначалу библиотека насчитывала всего 19 тысяч томов; в 1970 году, когда перешли в новое здание, их стало уже 50 тысяч, а сейчас почти вдвое больше. Рая не просто из года в год умножает их число — ищет книги, которые не залежатся на полках.

«Сколько у вас читателей?» — так обычно начинают разговор с библиотекарем.

А ведь количество читателей говорит еще далеко не обо всем. Бывают и такие: раз в несколько месяцев попросит «что-нибудь про шпионов», а от Толстого или Пушкина отвернется: «Устарело», Хемингуэя отложит в сторону: «Не люблю, когда иностранные имена». Вот если все-таки уговорит Рая такого читателя взять отвергнутый было том, если, возвращая его, парень скажет: «В самом деле неплохо» — у Раи праздник. Можно не сомневаться, она давно обдумала,

что еще предложить молодому рабочему, чтобы поддержать зародившуюся любовь к книгам.

Работа с читателем... Где она кончается? Вспоминается Рае общежитие первых лет стройки. Бездельничали там ребята, скучно было, вот и пьянствовать начали.

Пробовали Рая с Ниной Брум, тоже библиотекарем, провести в общежитии читательскую конференцию. Выбрали тему, обычно волнующую молодежь, — стихи Евгения Евтушенко, путь поэта — были в нем и падения, и взлеты к вершинам. Долго готовилась Галя Тырина, комсомольский работник, отлично читающая стихи. Увы, ее голос заглушили пьяные выкрики в дверях красного уголка. Радостное настроение тех, кто пришел послушать, было испорчено.

Рая поняла тогда, что отдельные попытки совершить «революцию» в общежитии ничего не дадут. Нужна планомерная работа изо дня в день, нужно браться за нее всем миром. Нужно, чтобы ребята чувствовали себя в общежитии как дома, позаботиться о чистоте, уюте, о настоящих воспитателях. Найти людей, способных помочь каждому интересно проводить свободное время. Трудно? Безусловно. Одному нравится волейбол, другому — игра в оркестре, третьему — фотография. Где найти руководителей, тем более что они должны быть энтузиастами: никто не даст средств на руководство кружком, в котором сначала будет не больше 4—5 человек. И все-таки надо!

...Тяжело пришлось бы Рае, не будь у нее помощников; любя книги, они бескорыстно тратили часы на благоустройство библиотеки. Им хотелось, чтобы не только сами книги — радовала и обстановка общения с ними. Электрики Сергей Быков и Валерий Сторожевых провели в библиотеке и читальне дневной свет. Владимир Бабин, сварщик, изготовил металлические стеллажи. Художник Марина Наянова постоянно оформляет выставки. Слесарь Валентин Апалатенко помогает привозить литературу из Душанбе, держит связь с магазинами «Книга—почтой» в разных городах.

У них нашлось немало единомышленников: крановщик Виктор Кочуев, бригадиры гидромонтажников Федор Череп и Григорий Прищенко, взрывники Владимир Долгов и Юрий Шастов. Любовь к книгам сближает их, рабочих, с врачом Владимиром Нестеровым, главным механиком стройки Львом Файнбергом, учителями Полиной Дубинской, Лидией Вербиной, разве только одни — интеллигенты по профессии, другие — по духу...

Книги помогают расти, становиться лучше. Юра Шастов окончил техникум. Навсегда распрощался с собутыльниками белазист Федор, отпраздновал свадьбу. Жена, учи-

тельница литературы, закрепила то, над чем билась когда-то Рая: страсть к книгам вытеснила из Фединой жизни иную, лишь к бедам ведущую страсть.

Но хорошо сказала любимая Раина поэтесса Римма Казакова: «Это жизнь, у жизни нет конца». Сколько людей с неустойчивой душой еще нуждается в помощи волевых, доброжелательных товарищей... Снова и снова Рая, председатель комиссии по делам молодежи, направляется в общежитие. Многое изменилось здесь к лучшему. Ребят расселили по-новому: каждому коллективу — свой этаж, самому большому, «Гидроспецстрою», отвели целое здание. Руководители стали чаще навещать своих рабочих, больше о них заботиться: механизаторам купили телевизор, строителям здания ГЭС — спортивный инвентарь, завод железобетонных изделий отремонтировал своим комнаты. Открылись душевые, приобретена новая мебель.

...Отобрав самые интересные из новинок, Рая стучится в комнаты общежития. Знает: не все оставленное там вернется в библиотеку. Что ж, зато кто-то проведет сегодня вечер за чтением.

Рая бывает счастлива, если человек, до того равнодушный к книге, становится читателем. Но истинную гордость ее составляют другие: те, кто хочет не только читать — без этого давно не мыслит себя, — но и поговорить о прочитанном, встретиться с писателем, может быть, поспорить.

Работники библиотеки задумывают «литературные среды». Вначале на них собиралась лишь кучка любителей, но слух о том, что «среды» интересны, распространился. В небольшом зале в эти вечера становилось все теснее. Читал свои очерки о нурекчанах ныне покойный писатель А. Б. Одинцов. Литературовед Б. Л. Милявский рассказывал о найденных им неизвестных статьях молодого Маяковского, киносценарист Владимир Эрвайс — о документальном фильме, снятом в Нуреке. Поэты и прозаики журнала «Памир» выступали со своими произведениями.

Родилось и другое хорошее дело — устный журнал. Многим запомнился выпуск, темой которого была история Нурека. Волнующими воспоминаниями поделились участница гражданской войны Раиса Евсеевна Казакевич, старейшая учительница Таисия Алексеевна Тарановская.

И в школы Рая хорошо знает дорогу. В одной из них устроила диспут «Черты нашего молодого современника». Долго тянуть за язык ребят не пришлось: разговор о себе, о ровесниках, о героях любимых книг получился таким, как хотелось, — смелым и откровенным.

Еще интереснее стала работа

библиотеки с тех пор, как в 1973 году над стройкой взял шефство журнал «Дружба народов». Его редактор С. Баруздин, члены редколлегии, авторы не раз бывали в Нуреке — читали новые рассказы, очерки, стихи, делились планами. В общении со строителями рождались литературные замыслы, на страницах журнала появились произведения, посвященные вахшскому гиганту: «Художники пишут Нурек» И. Захорошко, С. Юрьенена «Главные люди», Б. Холопова «Весть с четвертого яруса», записки бывшего первого секретаря Нурекского горкома партии П. И. Горбачева «Прежде всего — человек».

У активистов библиотеки вошло в традицию ежегодно присуждать лучшей публикации журнала премию имени Нурекской ГЭС. В 1974 году достойными ее единодушно признали записки К. Симонова «Разные дни войны», в 1975 — «Кузнецкий мост» С. Дангулова.

В третьем номере журнала за тот же 1975 год помещена документальная повесть А. Дунаевского «Жанна Лябурб, знакомая и незнакомая». Большое впечатление произвела она на вожака известной на стройке бригады плиточников Елизавету Романовну Костогладову. По ее совету все пятнадцать рабочих бригады прочли повесть, и одна из отделочниц предложила в честь Международного года женщин бороться за право носить имя Жанны. Ее горячо поддержали.

Цель достигнута. Передовую бригаду признали достойной славного имени французской коммунистки, погибшей за Советскую Россию в годы гражданской войны и интервенции.

Есть в нурекской библиотеке уникальное собрание книг с автографами авторов. По просьбе Раи их оставляли писатели, побывавшие в городе. Потом и Сергей Алексеевич Баруздин стал добывать для нурекчан книги с автографами своих коллег, самых известных и уважаемых писателей. Не ограничиваясь теми, кто живет в Москве, писал во все республиканские отделения Союза советских писателей. Результат этого — новые книги с автографами, с добрыми пожеланиями нурекчанам.

Библиотека автографов в Нуреке, как и ГЭС, уникальна. Она крупнейшая в мире.

О своем опыте Рая Алишева рассказывала на всесоюзных семинарах в Ленинграде и Кишиневе. Нурекская библиотека получила звание библиотеки отличной работы, а ее заведующая — значок отличника Министерства культуры СССР.

Недавно Рая стала заведовать отделом культуры Нурекского горисполкома. Но библиотеке попрежнему отдает много любви, внимания и заботы.

ВРОСШИЙ КОРНЯМИ

Окончив в 1957 году Московский строительный институт, Валерий Мухамедиев вернулся в Таджикистан — на этой земле он, узбек, родился, вырос и расстался с ней только на годы студенчества. Одного из самых способных, его направили в Академию наук республики, в сектор гидроэнергетики.

Что-то в душе протестовало, он понимал: сначала нужно почувствовать тяжесть вибратора, научиться шагать по узкой бетонной кромке так же спокойно, как по обычной дороге, порадоваться первой поправке, внесенной в чертеж проектировщика. Ведь до сих пор он брал знания — из книг, лекций, советов руководителей практики. Теперь пора начать их отдавать, воплощать в дела. А потом, как результат, испытать ни с чем, наверно, не сравнимое счастье видеть, как созданное тобой начинает жить самостоятельно, служить людям. Испытать, быть может, не раз и не два. А годы меж тем вплетут седые пряди в смолисто-черную копну волос, проложат бороздки морщин. А палящее солнце прикроет румянец щек смуглотой, которую уже не смыть никаким дождям... Вот тогда и придет пора кабинета, рукописей, обобщений...

И все же отказаться от назначения, сулившего лишь продолжение накопления знаний, Валерий не смог. Родители и друзья называли его блестящим, не хотели слушать возражений. На работе новым сотрудником были довольны. Сам же он все чаще возвращался к мысли, высказанной в воспоминаниях видного советского энергетика академика И. Г. Александрова:

«У Станиславского есть замечательные слова об актере и искусстве, — писал он. — Это целиком относится и к нам, ученым. Не себя надлежит чувствовать и любить в науке — пусть она почувствует нас в себе!»

Легко сказать «пусть почувствует». А как это сделать? И на каком участке? Ну, конечно же, там, где наука воплощается в практику, где создается энергетика республики.

Валерий напрашивался в самые трудные командировки: хотел своими глазами увидеть и места начавшихся изысканий для Рогунской ГЭС, крупнейшей из будущего каскада на Вахше, и крошечные, по сравнению с ней и Нурекской, гидростанции, что строились на Памире, к радости его жителей. Окончательно убедился: только там, в гуле работ, а не за чертежным столом он чувствовал себя счастливым.

Нурек оставил напоследок. А когда увидел, сразу же понял, что заболел им. Рабочие ругались, увязая в пыли; кто-то ворчал, что не получил квартиру в только что сдан-

ном доме, кто-то возмущался пекарями. Но за всем этим угадывалось невысказанное: люблю я город, который воздвигаю вот этими руками, и хочу, чтобы он стал лучше. И Мухамедиева вдруг обуяла такая зависть к нурекчанам, такое желание стать среди них своим, что он с ходу, ни с кем не советуясь, написал заявление об увольнении из академии.

...Второй участок СУ плотины, где Валерий стал работать мастером, строил дороги к гребню плотины, к выходному порталу первого строительного тоннеля. Потом Валерию поручили строить сам портал, это было его первое гидротехническое сооружение. Как и думал, повседневная жизнь стройки не замедлила предложить ему столько, сколько даже за десятилетия не смог бы дать никакой институт. Однако, верный завету академика Александрова, Мухамедиев стремился не только получать, но и отдавать.

Учиться этому было у кого. Ни изнуряющий зной, ни проливной дождь с его обычным спутником камнепадом не могли вынудить тогдашнего начальника участка Ивана Николаевича Подскребалина снизить напряжение на объекте, за которым следила вся стройка. Страдая от жестокого недуга, скрывая его от окружающих, Иван Николаевич находил в себе силы по две, а то и по три смены не уходить со створа. В ту страдную пору родилась их с Валерием дружба, которая продолжается и теперь, хотя коварная болезнь сделала Подскребалина инвалидом, заставила покинуть Нурек.

Узнал Валерий глубину трудовой самоотверженности знакомого еще по строительству дорог бригадира бетонщиков Камола Хамсариева. Не раз восхищался и монтажниками Алексея Фомина: они устанавливали на портале ими же изготовленные армокаркасы.

Чуть передохнули после первого — начали строить входной портал второго строительного. В те страдные дни Мухамедиев вступил в партию. Вскоре, в феврале 1967 года, Подскребалина выдвинули начальником одного из стройуправлений, а руководить участком, по его совету, доверили Валерию. Доверили в очень ответственное время: начиналось строительство «пробки».

Долго, вдумываясь в каждую цифру, каждую линию на чертеже, Мухамедиев изучал проект этой мощной железобетонной плиты. На порталах, если что-то не получалось, в чем-то сомневался, помогал Подскребалин. Здесь отвечать за все, решать любые споры и конфликты должен, в конечном счете, он сам. Ну что ж, у него широкие плечи, крепкие молодые руки, знания еще свежи, а опыт начинает приобретаться...

«Это уже плотина!» — писали газеты о первом бетоне «пробки», в честь которого алели транспаранты на створе, ликующе звучали выступления на торжественном митинге. Но далеко не все его участники знали, какой ценой он дался, первый бетон. Не только потому, что ему предшествовала нудная, кропотливая чистка основания. Каждый квадратный метр скалы, чтобы бетон крепко-накрепко соединился с ней, мыли и протирали не менее усердно, чем полы в собственном доме. Но главным было другое: это самое основание на деле оказалось значительно ниже, чем полагали проектировщики. Вот и пришлось целый год, уже возведя первую часть сооружения, пересматривать его дальнейший проект.

И разве только этот сюрприз преподнесла Мухамедиеву «пробка»? Были и другие ошибки, послужившие ему уроками. Самый горький из них привел к выводу: нельзя в условиях узкого каньона начинать бетонные работы, если не готов котлован, не закончена расчистка его бортов. Даже если не закончена! Здесь же, когда в «пробку» стали укладывать бетон, расчистка еще, по существу, не начиналась.

Обе работы, самые срочные для той поры, пришлось совмещать. Вот почему бетонщикам на «пробке» не всегда удавалось спокойно работать. Нередко приходило предупреждение о взрыве, готовящемся где-то над их головами. Это означало — убирать технику и убираться самим. Сколько бесполезно потраченного дорогого времени!

Что же мешало начать, а стало быть, и кончить расчистку своевременно?

...Первого начальника стройки, Семена Константиновича Калижнюка, Валерий уже не застал. Застал лишь светлую память о нем — русском, отдавшем Средней Азии все, что знал и умел. А умел он строить и вести за собой людей. Тех, без кого даже лучший замысел так и остался бы на бумаге.

Памятник ему — Вахшский магистральный канал в окрестностях Курган-Тюбе, кормилец необозримых хлопковых полей. Не менее знаменит, чем этот, вещественный, памятник литературный — «Человек меняет кожу». С Калижнюка писал Бруно Ясенский своего Ивана Морозова. Величественный вечный памятник Калижнюку — и построенная под его руководством первая очередь Большого Каракумского канала в Туркмении.

Вот какой человек начинал энергогигант на Вахше. Никогда не жалевший себя, он и умер на ходу, мчась в «газике» по московским улицам решать нурекские дела. Чтобы о нем помнили не только нынешние, но и будущие нурекчане, одну из главных улиц города назвали именем Калижнюка.

Еще трех начальников узнала потом стройка. Двое из них — Севенарды, отец и сын. Первому довелось сразу после Калижнюка принять Нурек в сложный период, когда решалось, быть ему или не быть. В Госплане СССР еще взвешивали: настало ли время полной мерой вкладывать в Вахшский энергогигант сотни миллионов рублей или они быстрее окупятся где-то на Севере, на Дальнем Востоке.

Вот почему в 1964—1965 годах стройка получала куда более скромный план в денежном выражении, чем нуждалась для настоящего развертывания работ. «Уполовинивались» и заявки на металл, цемент и другие дефицитные строительные материалы.

Разумеется, все это сказывалось на настроении нурекчан. Одни дебатировали в кулуарах — не законсервируют ли стройку, другие откровенно укладывали чемоданы.

Однако Севенард, «старый Севенард» (так назвали Константина Владимировича позже, когда стройку возглавил его сын), приехал сюда работать всерьез. Приехал из Прибалтики, где успешно, от начала до конца, построил Плявинскую ГЭС. И, вопреки годам, приближавшимся к пенсионным, чувствовал в себе силы еще немало сделать для Нурека. То, что эта гидростанция неизмеримо больше и сложнее, лишь подзадоривало многоопытного инженера.

Линия, избранная Севенардом в то трудное время, была ясна: сделать максимально возможное, доказав тем самым, что Нурек уже есть, его не сбросишь со счетов. Закладка «пробки» была, с его точки зрения, именно тем «а», за которым неизбежно должно последовать «б» — дальнейшее строительство уникальной плотины, вызвавшее интерес гидротехников всего мира.

В правильности самой линии никто не сомневался. Но с того ли надо начинать? Не окажутся ли строители «пробки» в положении авангарда, что вырвался далеко в тыл противника в то время, как основные силы еще не подошли к передовой?

Начальник стройки решил начать с «пробки». Конечно, не ради каприза, были серьезные соображения: стремление скорее начать плотину, боязнь, что взрывы под расчистку перережут дороги на створ, пока не готовы транспортные тоннели. И все-таки это был серьезный просчет. Позже, уже на больших самостоятельных постах, инженер Мухамедиев не раз вспоминал тот тяжкий урок...

Ну, а школа руководства, что вынес молодой начальник из нее? Прежде всего умение говорить с самыми разными людьми правдиво, не прибегая к дипломатии, даже когда правда горька. Потребовала, например, жизнь объединить две

бригады плотников — значит, надо, глядя в глаза одному из бригадиров, Тимакову, сказать: «Отныне вы будете под началом Титова, потому что он, как организатор, сильнее». Как-то бетонщики одного звена, недовольные оплатой, отказались разгружать машины. Бетон схватился, сменное задание сорвалось. Не обращая внимания на ропот, Мухамедиев высказал неизбежное: «Это пойдет за ваш счет, не государству же расплачиваться!»

Когда требования руководителя справедливы, рабочие, пусть не сразу, поймут и примут их. Особенно если требовательность сочетается с человечностью. Даже в пору самой горячей работы Мухамедиев давал бетонщику отпуск, если он, житель кишлака, строил дом или заготавливал сено. Когда очень нужный на участке геодезист захотел стать сварщиком, Валерий, не колеблясь, зачислил его в бригаду: хорошо делаешь только то, что любишь.

Азбучная истина: сплоченный коллектив успешнее выполнит любую задачу. На первый взгляд удивительно, но сплотить — значит прежде всего понять, что отличает каждого человека, чего он хочет.

...Чуть задумавшись, Валерий Низамович рассказывает о первых своих помощниках — прорабах:

— Анатолий Калузов прямо начинен энергией. Когда нет не зависящих от участка помех, когда всё в наших руках, не останови его — будет по две смены бегать от бетонщиков к монтажникам, от них к крановщикам, кого-то обнимать, кого-то называть «сапожником», чего-то до хрипоты требовать от снабженцев. И вдруг остановится: «А я обедал сегодня?»

Карпов, тоже Анатолий, пожалуй, сильнее всех в технике. Это у него семейное: старший брат Евгений, теперь заместитель начальника стройки, — один из лучших специалистов, рационализаторов. Когда работал в СУ плотины, только одно его предложение, разработанное вместе с главным маркшейдером Малаховым, сэкономило сотни тысяч рублей: дорогу от выходного портала первого транспортного тоннеля к «пробке» сделали чисто насыпной, отказались от скальной выемки, предусмотренной проектом. Не сомневаюсь, Анатолий тоже что-то вложил в это решение, но из скромности о себе умолчал.

Володя Кораблев — сама добросовестность. Приписки, сделки — это для него так же непонятно, как, скажем, клинопись древних египтян...

Столь же хорошо знал начальник участка каждого, с кем был связан, — от мастера до рабочего. И это умение знать людей, к которому, в конце концов, сводится умение руководить, помогало успешно строить «пробку», вопре-

«Все флаги в гости будут к нам», — говорят нурекчане. Ю. К. Севенард сопровождает американских гостей.

ки частым срывам в поставке бетона, вопреки огромным трудностям совмещения работ, о которых уже говорилось.

Занятый «пробкой», что называется выше головы, забывший, как можно спокойно, без вызовов и телефонных звонков проспать ночь, Мухамедиев все-таки выкраивал часы для еще одного дела, которое считал не менее важным: руководил школой марксизма-ленинизма в своем управлении. При каждой возможности связывал теорию с жизнью страны, стройки. На занятиях сами собой возникали споры, в них рождались истины. Вот одна: переступи через свои интересы, если они не совпадают с общими.

И не только через сугубо личные. Самому Валерию не раз доводилось поступаться интересами своего коллектива ради дел всего

Нурека. Случалось, с «пробки» забирали необходимый ей экскаватор, чтобы вычерпать ил со дна Комсомольского озера, или просили людей для озеленения улиц. И никто не слышал от Мухамедиева ни жалоб, ни возражений.

...Одно из своих занятий Валерий посвятил Западному Берлину, куда ездил в составе делегации Таджикского отделения общества германо-советской дружбы. Рассказал, с каким вниманием собрание общественности города слушало его доклад о развитии энергетики республики, о Нурекской ГЭС. Особенно привлекло слушателей то, что докладчик сам строит это близкое будущее Средней Азии, что он сын одного из ее народов, что среди строителей — люди более чем сорока национальностей, в том числе и немцы. Слушая гостей, хозяева часто стучали кулаками по столам — не сразу Валерий понял, что это знак одобрения.

В каждый из девяти дней, которые провели наши делегаты за рубежом, приходилось выступать перед несколькими аудиториями. И все же они успели познакомиться с главными достопримечательностями города. Видели рейхстаг, Бранденбургские ворота, памятник Виктории, экспериментальный район, созданный с участием Академии искусств. Больше всего запали в душу памятники жертвам фашизма...

Всем этим поделился Валерий с товарищами. Нашлось о чем рассказать и маленькой Дине, с нетерпением ожидавшей папу. Не счесть, сколько раз заставляла его вспоминать о гигантском аквариуме, где живут черепахи-великаны и диковинные рыбы со всех морей и океанов.

Но как ни ярки были впечатления поездки, они отступили на дальний план сразу же по возвращении, когда с прежней силой нахлынули нурекские заботы.

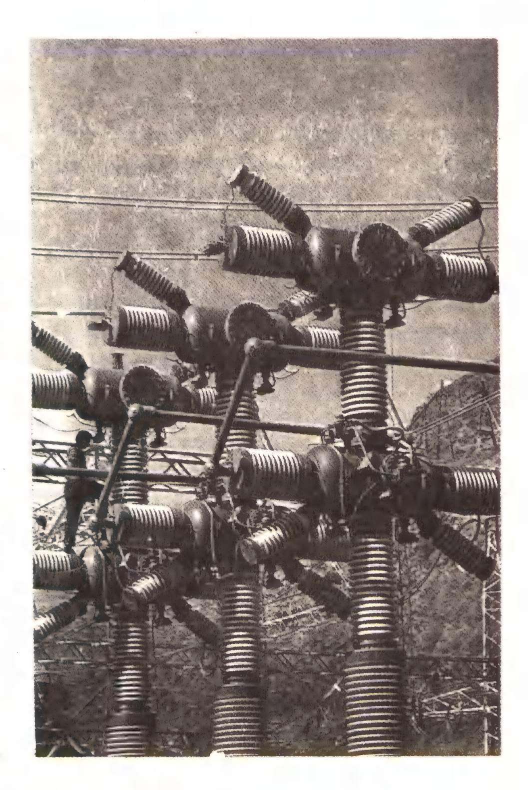
То время — весна 1970 года — стало долгожданной порой завершающих работ на «пробке». Все выше поднимались блоки пятого, последнего из основных ярусов. По краям огромного сооружения громоздилась опалубка добавочных ярусов — «рогов». Они придали «пробке» корытообразную форму, наиболее устойчивую. На левый берег подогнали кран — подавать бетон и армокаркасы строителям первой, низовой, потерны.

Сколько больших и малых проблем приходилось решать, чтобы каждое из этих неотложных дел шло без задержки...

«РАБОЧАЯ ЭСТАФЕТА»

На картах новостроек, на значках гидростанцию принято изображать символом. Он похож на гребень, между зубцами которого

Монтаж электроподстанции в Нуреке ведет бригада Н. Шестакова.

текут водяные струи. Этот гребень — здание ГЭС, такая же жизненно важная ее часть, как и плотина. Зубцы, маленькие на рисунке, фактически представляют собой мощные железобетонные сооружения. Это бычки отсасывающих труб, направляющих воду из водоводов на рабочие колеса турбин. В пространстве между бычками вода, уже отдавшая свою силу, возвращается через нижний бьеф обратно в реку.

Летом 1970 года строители здания ГЭС в Нуреке оказались перед трудной задачей. В ту пору сомнения, быть ли первому энергогиганту на Вахше, отошли в далекое прошлое. Из года в год объемы работ росли, щедро подкреплялись деньгами и материалами. Кроме собственных подсобных предприятий, на Нурек трудились два крупных соседних: душанбинский завод железобетонных конструкций и стройдеталей (ЖБК и СД) и орджоникидзеабадский ДСК — домостроительный комбинат. Крепли связи с ними, завязывались новые.

В Харькове, на заводе имени Кирова, уже приступили к изготовлению первой из девяти турбин, рассчитанных на уникальный напор вахшских вод. Свердловский «Уралэлектротяжмаш» разворачивал работы над первым пусковым генератором. Чтобы монтировать эти махины в Нуреке, нужны были два козловых крана грузоподъемностью в 360 тонн. Заказ на них принял Днепровский механический завод в Запорожье.

Радостнее, перспективнее становился труд самих нурекчан. Они воочию видели его результаты. Не просто развороченные скалы, горы грунта — теперь среди них с каждым днем яснее вырисовывались силуэты величественных, сложных сооружений. Было чем гордиться воздвигавшим их людям.

Случалось, однако, кое-кому из

них покинуть нурекскую стройку ради других, не менее важных. Тем летом, о котором идет речь, нурекчане распрощались с Егором Кузьмичем Седых, три года назад сменившим Севенарда-старшего на посту руководителя стройки.

Егор Кузьмич был моложе своих предшественников, однако имел немалый опыт строителя и крупного партийного работника. Его уважали за прямоту, порой резкую, но всегда справедливую, за умение трудиться, не жалея себя, ценить это качество в других. И когда Седых уехал строить оросительный канал на Украину, туда потянулись многие.

Особенно большие потери понесло СУ ГЭС. Оставил Нурек его начальник Виталий Жолнерчук, посвятивший ему десять лет, за ним последовал главный инженер СУ ГЭС Алексей Гридасов. На его место стали прочить Мухамедиева.

В час, когда напряжение достигло, казалось, наивысшей точки, Савченков, главный инженер стройки, вызвал Мухамедиева. Они встречались каждый день, говорили, разумеется, больше о делах, случалось порой переброситься несколькими фразами и о каком-то отвлеченном событии, о статье в газете. Валерия всякий раз заново поражали в Николае Григорьевиче способность сдержанно, скупо, но удивительно четко высказывать свое мнение на предмет разговора, искренняя заинтересованность в судьбах людей, умение быть и беспощадным, и готовым в любую минуту броситься на помощь... Встречаясь с Савченковым, Валерий внутренне подтягивался, обдумывал каждое слово — это выходило как-то непроизвольно.

Звонок Николая Григорьевича Савченкова застал Валерия врасплох. Любящий свою профессию инженер, он изучал проект здания ГЭС задолго до того, как мог думать, что станет его строить. Суть дела та же, что и на «пробке», — бетон и арматура, но сооружение куда сложнее, конструкции куда разнообразнее. Есть над чем поломать голову. Ну, а как же «пробка»? Там все родное: каждый человек, каждый блок... Не обидно ли, чтобы кто-то другой доводил до конца то, на что ушли годы твоей жизни?

— Долго раздумывать некогда, — сказал главный инженер. — Давай сразу головой в воду, а то начнешь колебаться и вовсе не прыгнешь.

...Внешне как будто ничего не изменилось: тот же захлестывающий темп, те же споры с проектировщиками, снабженцами, то же стремление при возникающих конфликтах с рабочими не приказывать, а непременно доказать... То же, да не совсем: выросли масштабы.

Монтажная площадка, бычки отсасывающих труб, плита водобоя,

о которую будут разбиваться еще быстрые струи воды, вращавшие колеса турбин. Каждый из объектов по-своему труден, с каждым надо спешить: поджимает сетевой график. И никому не дано отступить от него даже на малость. Строителям известно: о вводе первой очереди Нурекской ГЭС будет идти речь на XXIV съезде партии.

Руководители стройки наметили необходимый минимум пусковых работ. Оказалось возможным сократить объем отсыпки плотины, высоту потерн, полностью соорудить только два из девяти водоводов, ограничиться временным подводящим тоннелем и водоприемником, оставив «на потом» постоянные. И только строители здания ГЭС не получили никаких скидок. Единственное из комплекса сооружений гидроузла, его необходимо было подготовить полностью: чтобы заработали первые агрегаты, большая часть здания ГЭС должна очутиться под водой, тогда уж ничего не достроишь.

Составленный с учетом всего этого новый сетевой график предстояло выполнить любой ценой — только так намеченный срок мог стать реальным. Срок, который 2 сентября того же года нурекчане назвали Леониду Ильичу Брежневу, пригласив его через два года на торжество в честь будущей победы.

Вот почему коллектив СУ ГЭС и оказался в самом сложном, по сравнению с другими, положении. Уход со стройки многих его людей совпал с моментом, когда стало ясно: именно для этого коллектива пусковой минимум останется пусковым максимумом. Было от чего растеряться новым руководителям — Мухамедиеву и ветерану стройки Виталию Булатову, назначенному начальником СУ ГЭС.

Но они не растерялись. Валерий заставил себя забыть о «пробке», к которой первое время по-прежнему неудержимо тянуло. Надо было до мельчайших деталей освоить новые объекты. Общих представлений о здании ГЭС, которые он имел до сих пор, оказалось мало: теперь он главный инженер, и вполне естественно, что к нему сразу же стали обращаться прорабы, мастера, бригадиры, советуясь о тонкостях, которых он еще не знал.

— Не знаю, но обязан знать, — понимал Мухамедиев. — Кому какое дело, два дня я здесь или два года...

И до боли в глазах изучал чертежи, спешил на стройплощадку увидеть, как они воплощаются в натуре. Но самым главным на первых порах было удержать людей на стройке. И это удалось. Помог обстоятельный разговор на общем собрании: кончается вымотавшая всех подготовка скалы, на подходе «большой бетон», это и интереснее, и лучше оплачивается... Убе-

ждали и каждого в отдельности: ты нужен стройке, а она — стране. Некоторые отмахивались — сыты, мол, разговорами, — но чаще помогало: рвали заявления об уходе.

Как раньше на «пробке», Валерий с интересом присматривался к людям — кто чем дышит, от кого чего ждать. Здесь тоже было немало настоящих умельцев. Пусть некоторые клянут, встав не с той ноги, долю строителя с его единственной «крышей» — небом, а все же не мыслят иной доли.

Вот бригадир бетонщиков Мухаббат Шарифов. Здешний уроженец. На стройке работают и его четыре младших брата. К Мухаббату относятся с почтением — старший в семье. Этих четверых научил работать и любить свой труд, еще двоим, маленьким, вместе с женой заменил рано умерших родителей.

Почему именно ему, совсем молодому по сравнению со многими в бригаде, доверили ею руководить? Что ж, что молод, зато бывалый: в годы армейской службы поколесил по свету. Депутат городского Совета, член комиссии по работе с молодежью. Умеет и ладить с людьми, и потребовать с них.

Растет и сам: окончив школу рабочей молодежи, поступил на третий курс открывшегося в Нуреке гидростроительного техникума.

Пора дипломной работы совпала с самой горячей на строительстве здания ГЭС порой «большого бетона». Не только в первую смену, как обычно, — сутками был на объекте бригадир, решал неотложные дела. Только перед самой защитой всего недели на три взял академический отпуск... Когда ему поставили «пять», он все добивался:

— А это без скидок?

Многие в тот вечер заходили поздравить выпускника, зашел и Валерий Низамович. В гостеприимном, как у всех таджиков, доме сразу почувствовал себя легко, будто бывал тут уже много раз. Напротив него вокруг блюда с пловом уселись братишки Мухаббата, его жена с маленькими дочками.

— Ну что, — спросил гость хозяина, — нашего инженерного полку прибыло? Подыскать новую должность?

— Нет, не оставлю бригаду. С ней начинал здание ГЭС, с ней и закончу.

Рядом с бетонщиками Шарифова на объектах здания ГЭС трудились бригады Алексея Зуева, Валерия Познякова. Каждый в их комплексных бригадах — и плотник, и бетонщик, и монтажник. Или Октябрист Кувшинов: он и его товарищи по бригаде—признанные специалисты по монтажу сложных, многотонных конструкций.

К старожилам присоединялись и сразу же входили в нужный темп вновь прибывшие. Такие, как

начальник второго участка Виталий Кирпичников — худощавый, серьезный, немногословный. В Нурек он приехал с Красноярской ГЭС, которую сооружал вместе с Юрием Константиновичем Севенардом, «молодым Севенардом», принявшим в тот год стройку.

...В конце 1970 года скала на дне котлована здания ГЭС полностью покрылась бетоном. На языке строителей это звучало: «оторвались от земли». В районе пусковых агрегатов особенно быстро росли бычки отсасывающих труб, напротив них все выше поднимались фундаменты под конусы тех же труб. От массовой укладки бетона в простые прямоугольные блоки предстояло перейти к несравненно более тонкой, кропотливой работе — укладке его в блоки сложной криволинейной формы.

Дело в том, что конус, куда устремляется вода из водовода, устанавливается вертикально, а дальше, отдав свою силу вращению колеса турбины, вода уходит в нижний бьеф уже горизонтальной струей. Вот этот переход от вертикального к горизонтальному, так называемое колено отсасывающей трубы, и делается плавной, обтекаемой конфигурации, иначе вода разрушит его. Для придания бетону такой формы нужна так называемая торовая опалубка. С ней-то и пришлось помучиться.

...Бригады СУ ГЭС дали слово: к открытию XXIV съезда партии полностью подготовить строительную часть под монтаж первой турбины. На пути к этому возникали бесчисленные препятствия. Нурекский завод железобетонных изделий должен был обеспечить строителей асфальтовой мастикой — надежной изоляцией бетона от солей, растворенных в воде, но поначалу с заказом не справился. Душанбинский завод ЖБК и СД неудачно изготовил первый комплект торовой опалубки: 14 деревянных щитов разных криволинейных форм, которые, складываясь как кубики детского «Конструктора», должны были создать очертания отсасывающей трубы.

Монтировать этот комплект поручили лучшим плотникам. Ошибка выявилась сразу: между «кубиками» получались зазоры. Подогнать щиты до нужных размеров и форм не удалось. Их отвезли обратно на завод, там выяснились недоработки в чертежах.

Главная ответственность за решение этих проблем лежала на Мухамедиеве. Хватало дел и «дома», в котловане здания ГЭС. Надо было добиваться нужного качества укладки бетона, монтажа плит, выполнения работ в назначенные сроки...

Не подвели испытанные строители. Истинный подвиг совершили, выполняя обязательство, плотники,

получив наконец изготовленные по всем правилам щиты, смонтировали их в три раза быстрее, чем предусматривают нормы. На огромной площадке поднялись два причудливых изгиба — колена отсасывающих труб. Их замуровали в бетоне, оставив отверстия, над которыми гидромонтажники установили стальные конусы.

Но это была лишь частица огромных работ, перечисленных в предсъездовских обязательствах. Чтобы справиться с ними, еще напряженнее трудились бригады строителей, перенимая все лучшее друг у друга. Мухаббат Шарифов, например, с интересом и одобрением присматривался к Валерию Познякову. Многое ему в нем нравилось: скромность, широкий кругозор и в строительной технике, и в любой жизненной теме, на какую бы ни пришлось беседовать.

Бригада Познякова монтировала сборные железобетонные конструкции, бригада Шарифова омоноличивала — убирала в бетон мощные армокаркасы. Часть этих изделий изготовляли на нурекском заводе ЖБИ, часть — на душанбинском заводе ЖБК и СД, на орджоникидзеабадском ДСК. У рабочих бригад Шарифова и Познякова возникла мысль — соревноваться не только между собой, как до тех пор, но и с бригадами поставщиков. Заключить договор: соседи досрочно и с хорошим качеством дают свою продукцию, нурекчане так же быстро и добротно управляются с ней.

Чтобы душанбинцы, орджоникидзеабадцы наглядно представляли себе, как нужны их изделия, рабочих обоих предприятий пригласили в Нурек. Здесь, на стройплощадке, и приняли взаимные обязательства. Результаты сказались вскоре: конструкции, которых прежде нурекчанам приходилось подолгу ждать, стали поступать точно по графику, а то и с опережением.

В начале 1971 года стало ясно: свою часть работ строители к намеченному сроку выполнят. А вот первая турбина должна поступить из Харькова позже, лишь к концу второго квартала, первый генератор из Свердловска — еще позже...

Выход из положения нашли бригады спецгидроэнергомонтажников Анатолия Шильникова и Максима Демко. Они решили распространить почин товарищей из СУ ГЭС, заключить договоры о трудовом соперничестве со своими поставщиками, несмотря на то что те трудились не за десятки — за многие тысячи километров от Нурека.

Монтажники бригады Шильникова послали письмо харьковским турбостроителям. Оно рассказывало о стройке на Вахше, о горячем желании всех, кто на ней трудится, скорее дать энергию новым заводам, воду — полям. «Это

Армокаркас устанавливает бригада Г. Трегубова.

зависит и от вас», — заканчивали нурекчане.

Из Харькова откликнулись: будем работать дни и ночи, а просьбу выполним! Так стало распространяться движение, которое помогает теперь творцам БАМа, «Азовстали», Усть-Илимской ГЭС, многих других больших и малых строек страны. Его назвали «Рабочая эстафета».

В канун открытия XXIV партийного съезда стройку облетела весть: для монтажа первой турбины все готово, а скоро прибудет и она, ее многотонные узлы уже едут по Средней Азии. В этом нурекчане тоже видели свою победу.

Ободренные успехом, монтажники при поддержке горкома партии написали на другие предприятия, поставлявшие оборудование стройке, вызвали их бригады на соревнование. И вслед за харьковчанами рабочие завода «Уралэлектротяжмаш» задолго до планового срока изготовили первый генератор. Перед тем к ним в Свердловск ездила делегация из Нурека, ее возглавлял первый секретарь горкома партии Павел Иванович Горбачев. Побывали нурекские строители и в Харькове, где для них изготовлялась вторая турбина, беседовали с рабочими, специалистами. Потом принимали их у себя. Бригадир харьковчан Павел Ткаченко помогал в монтаже своих изделий, дал Шильникову, его товарищам много ценных советов. Так же поступил и Герой Социалистического Труда Степан Топорков, бригадир токарей-карусельщиков «Уралэлектротяжмаша», сопровождавший в Нурек первый генератор.

Бригады М. Лысенко, В. Мостового, Г. Кошеля с Днепровского механического досрочно изготовили и прислали козловые краны-гиганты. В монтаже первого из них участвовал бригадир Михаил Лысенко, приезжавший из Запорожья. Краны величиной с пятиэтажный дом давно уже трудятся на монтажной площадке здания ГЭС. С их помощью собраны гигантские узлы пусковых агрегатов, шаровые затворы весом каждый в 700 тонн, силовые трансформаторы, любой из которых передает ток от «своего» генератора в сеть, усилив во много раз его напряжение.

Кстати сказать, все громоздкое оборудование гидростанции доставляли сюда в разобранном виде, а вот 320-тонные силовые трансформаторы пришлось перевозить целиком. Для этого рельсы и шпалы на пути от Душанбе к перевалочной базе в Орджоникидзеабаде заменили более прочными. А чтобы они попали с базы в Нурек, задолго до того была построена новая шоссейная дорога, вернее, часть ее — от перевала Чормазак до развилки, что в восьми километрах от Нурека. На старой дороге слишком много поворотов, в них «не вписались» бы такие громадины.

Но и новая дорога, хоть она шире и расположена значительно ниже, нелегка: спуски еще круче, да и поворотов пусть меньше, но все-таки хватает... Особенно трудно пришлось с первым трансформатором — тогда еще не было опыта. Оборудовали целый поезд из мощных тракторов-тягачей и «КрАЗов» с самыми умелыми водителями за рулем. Прежде чем перевезти трансформатор, они тренировались с грузом такой же огромной тяжести — железобетонными глыбами. А уж когда первый трансформатор доставили в Нурек, его встречали на улицах с оркестром и флагами, как дорогого, важного гостя.

Союзники по труду оказались у нурекчан и в подмосковном городе Чехове, на заводе «Гидростальконструкция». Здесь делают царги — изогнутые листы из особо прочной стали от 30 до 50 мм толщиной. Сваривая царги, нурекские гидромонтажники получают гигантские кольца. Каждое из них — звено облицовки водоводов, их стальной «рубашки», способной выдержать громадный напор воды. Чеховских рабочих строители тоже вызвали на соревнование, а те, в свою очередь, обратились к поставщикам из Магнитки, Череповца — быстрее давайте прокат!

Таким же кровным делом стала «Рабочая эстафета» для ближних соседей нурекчан. Труженики душанбинского завода ЖБК и СД готовили плиты-оболочки для облицовки здания гидростанции, орджоникидзеабадского ДСК — колонны для эстакады сорокаметровой высоты. Эти железобетонные колонны должны выдержать вес тех самых кранов-гигантов, что ходят по рельсам, уложенным на перекрытия поверх колонн.

Работая над почетным заказом, бригады орджоникидзеабадцев Амона Маджидова, Василия Халдеева, Борота Исмаилова досрочно, в конце 1971 года, сдали все 43 колонны и приступили к новой серии таких конструкций для корпуса управления гидростанцией.

Так строители из Пулисангинского ущелья почувствовали себя связанными с величавым Днепром и Уральскими горами, с заснеженными лесами под Вологдой, с городом, откуда рукой подать до столицы страны, и с таким же небольшим городком — своим соседом. Ведь всюду трудятся такие же советские люди, для которых нурекская стройка пусть далекая, но тоже «нашенская», тоже желанная цель.

ЗВЕЗДНЫЙ ДЕНЬ

Пустить первый агрегат нурекчане решили за пять недель до срока, названного Леониду Ильичу Брежневу, хотя и этот срок еще недавно казался пределом воз-

можного. Работая весь пусковой год на таком пределе, справляясь за десять дней с тем, на что в иное, спокойное время ушел бы месяц, люди доказали, какие чудеса может творить умение, соединенное с преданностью делу, своей стройке.

Самым «жарким» пунктом попрежнему оставалось здание ГЭС, где соединились усилия умельцев многих профессий.

Все более значительной и почетной становилась роль «Спецгидроэнергомонтажа», или, как его называют, «СпецГЭМа». Это короткое название с уважением произносят энергетики всей страны: фирма солидная. Главная ее задача — монтаж турбин, генераторов, шаровых затворов, всего гигантского, сложного оборудования, необходимого для превращения энергии падающей воды в электрический ток.

Но, прибыв на строительную площадку задолго до того, как можно было приступить к этой задаче, монтажники не сидели сложа руки в ожидании. Чтобы приблизить свой час, они помогали строителям: взялись за монтаж армокаркасов на двух объектах, без которых пуск первых агрегатов был невозможен, — в третьем строительном тоннеле и на здании ГЭС.

Вдоль эстакады, пересекшей бывшее русло Вахша, рядом с конусами отсасывающих труб все ярче разгорались огни сварки, все выше поднимались то прямоугольные, то причудливо изогнутые клетки из толстенной арматуры — каркасы будущих «домов» для электрических машин, для могучих шаровых затворов, способных преградить доступ воды к этим машинам или послушно расступиться, повинуясь нажатию кнопки.

На спецгэмовцев смотрели с уважением: ни суеты, ни спешки, а как быстро и ловко трудятся на высоте, как подвластен им металл. Вот что значит высокий класс мастерства! Самим же монтажникам эта работа казалась чем-то вроде отдыха. Ведь главная трудность (они знали) еще впереди: точность, которая роднит их с ювелирами и аптекарями, только ювелиры и аптекари имеют дело с миллиграммами, а они — с сотнями тонн. «Детальки» — их может поднять лишь самый мощный кран — надо пригнать друг к другу с допуском плюс-минус доля миллиметра.

И вот пришло время для самого сложного. Не стало «просто» спецгэмовцев, появились «бригада статора», «бригада ротора», «бригада шарового затвора». Каждая знает: задание срочное, о ходе его выполнения руководители участка ежедневно рапортуют в штаб стройки.

Спешат и рабочие другой известной фирмы — «Гидромонтаж» со своим, тоже очень трудным делом: они уже одевают в

На монтажной площадке — бригада П. Стеценко, «СпецГЭМ».

сталь «колена» водоводов— переходы от вертикальных к горизонтальным частям. Наконец смонтирована облицовка сложной криволинейной формы, а теперь надо заделать тысячи цементационных отверстий в этой облицовке, заварить каждое металлической пробкой. Днем и ночью люди висят на специальных металлоконструкциях внутри стальных труб, оставляя на них огненные швы.

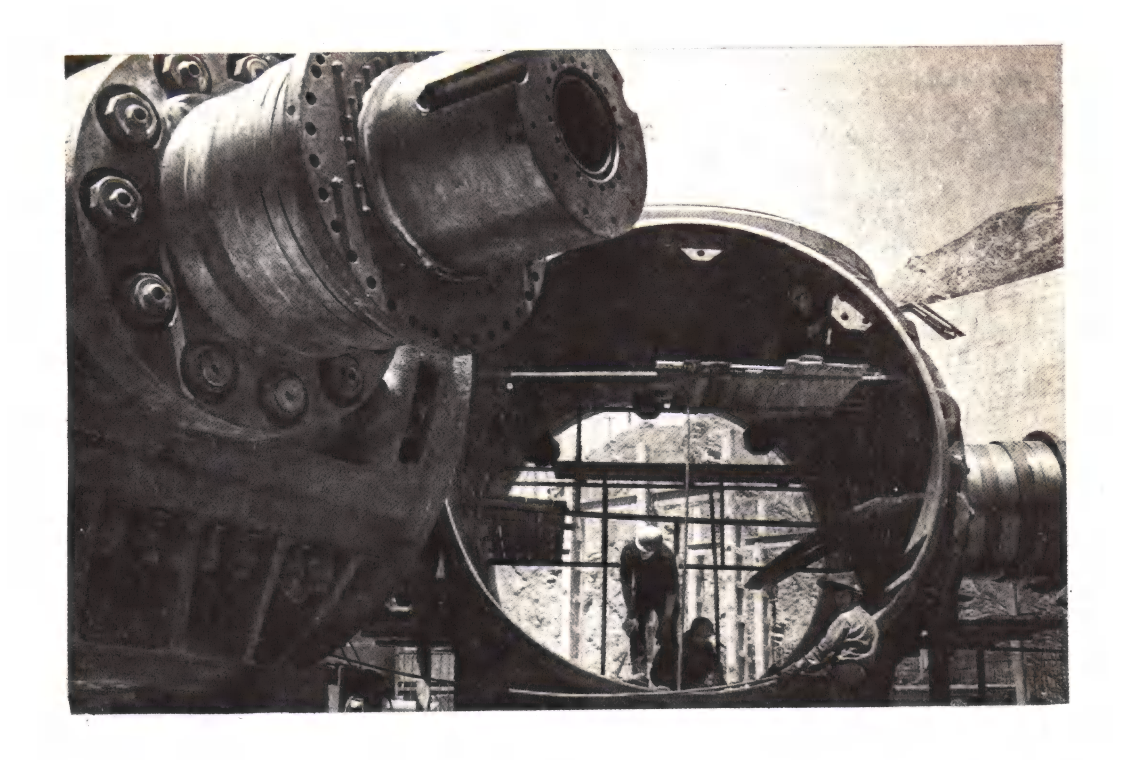
Чем ближе к пуску, тем больше работы у третьей, тоже известной всей стране организации — «Гидроэлектромонтаж». Ей завершать сделанное остальными: вести монтаж воздушных выключателей, изоляционной защиты пусковых агрегатов, которая обеспечивает нормальную деятельность всех их узлов, вводить в строй сложные системы открытого распределительного устройства, ставить опоры и натягивать провода высоковольтной ЛЭП. До сих пор энергия шла от Головной ГЭС, давно построенной в нижнем течении Вахша, от Душанбинской и Яванской ТЭЦ к Нуреку, давая ему возможность жить и строить. Теперь город будет с лихвой «отдавать долг» республике.

В сравнении с этими требующими высшего мастерства задачами не столь уж трудными кажутся задачи бригад СУ ГЭС, генеральных подрядчиков на объекте. Но только кажутся: не так-то просто

смонтировать колонны, плиты стен и перекрытий корпуса управления, крышу машинного зала из легких ребристых алюминиевых конструкций. Еще надо убрать оборудование, вычистить грязь с нижнего бьефа, который вот-вот будет затоплен: экскаваторы уже разбирают низовую перемычку. Это заключительные аккорды. Дирижируют их исполнением, как и

Монтаж шарового затвора гидротурбины.

всем предшествующим, Валерий Низамович Мухамедиев и Василий Иванович Бондаренко, новый начальник СУ ГЭС.

В трудах и волнениях встретили нурекчане ночь на 14 ноября 1972 года: первый агрегат пускали на холостой ход.

Не впервые проводили ночь без сна те, кто готовился к самому главному в истории стройки испытанию. Руководители «СпецГЭМа», «Гидромонтажа», СУ ГЭС, наладчики-электрики еще и еще раз проверяли сам пусковой агрегат и ведущий к нему водовод... Глубокая ночь, стрелки приближаются к двум часам, но в машинном зале светло и многолюдно, как днем. Кроме участников долгожданного события, пришли болельщики. И вот...

«Агрегат обступили со всех сторон. Вроде даже тихо стало. Сначала, когда раздался тонкий визг мотора, поворачивающего ротор затвора, все колыхнулись в его сторону, но тут же застыли. Еще

через минуту вал ротора генератора, видный через отверстия крышки, медленно двинулся, завертелся все быстрее. Заглушенный гул машины и легкое содрогание пока не могут нарушить тишины: все застыли, прислушиваясь к голосу агрегата. Ровный, чистый, он был краше всякой музыки».

Так написала об этом республиканская газета.

А потом все смеялись, плакали, жали друг другу руки, словно альпинисты, достигшие трудной вершины. Да это и была вершина.

Кто-то крикнул:

— Качать Инюшина!

Плотный, чернобородый начальник «СпецГЭМа» взлетел, высоко подброшенный сильными руками. Потом качали Максима Демко, двух Анатолиев — Шильникова и Колоколова, Леву Тугова — вожаков бригад, которые монтировали турбину, ротор, статор генератора, шаровой затвор. Под хохот, аплодисменты отправлялись «в полет» руководители горкома партии, стройки, СУ ГЭС...

А назавтра — 15 ноября — предстояло еще большее торжество. Нурекчане сумели сделать его незабываемым.

Задолго до него слово «пуск» стало самым ходовым в городе. Оно звучало не только на работе — на улицах города, в домах, за семейным столом. Неудивительно: короткое слово вместило все, к чему шел Нурек трудных одиннадцать лет.

Волнение нарастало, достигнув апогея в канун пуска. Все знали: «именинник» — первый агрегат благополучно прошел испытания на холостых оборотах. И все-таки закрадывались сомнения: а вдруг что-то будет не так?

Напрасные тревоги рассеялись. Ранним утром (в ту ночь никому не спалось) жители города вышли на улицы, которые украшали накануне, как в самый большой праздник, и неудержимый людской поток двинулся к зданию ГЭС.

...Трибуна с портретами В. И. Ленина, членов Политбюро ЦК КПСС. Знамена, флажки, транспаранты, букеты осенних цветов... Как много гостей! Руководители ЦК КП Таджикистана, правительства республики — их знают все. Вот этот высокий генерал, весь в орденах — Н. Г. Ляшенко, командующий Среднеазиатским военным округом. А кто же рядом с ним, в штатском, еще более могучего сложения?

— Блюхер Василий Васильевич, — пронеслось по рядам. — Сын прославленного полководца, директор завода «Уралэлектротяжмаш». Того, что изготовляет для нас генераторы...

Прибыли и делегаты харьковских турбинистов, запорожских краностроителей, металлистов из города Чехова под Москвой.

Машинный зал Нурекской ГЭС.
Действующие агрегаты.

явились, чтобы затем запечатлеть в пламенных строках большой день своей родины, народные поэты Таджикистана Мирзо Турсун-заде и Мирсаид Миршакар.

Знакомые лица: Николай Минаков, бывший начальник нурекского «Гидроспецстроя», Аркадий Баранов, возглавлявший участок в этом управлении, еще многие из тех, что долгие годы воздвигали гидростанцию, а потом по разным причинам уехали на другие стройки, в этот день не выдержали, явились сюда, проделав путь в тысячи километров...

Рядом с ними на трибуне лучшие умельцы, прошедшие вместе с Нуреком через все трудности и радости, от начала стройки до этого дня, участники соревнования за право включить рубильник первого агрегата. Грудь каждого пересекает алая лента, золотые буквы складываются в слова: «Победителю в соревновании».

Тем временем в машинном зале несут вахту люди, для которых общий праздник — ответственный рабочий день. Это бригады Анатолия Шильникова, Максима Демко, Анатолия Колоколова; сейчас их детищам предстоит самый большой экзамен. В корпусе управления гидростанцией — ее новые хозяева, эксплуатационники. Заняла места у пульта смена дежурного инженера В. Половинкина.

11 часов 20 минут. На фасаде корпуса управления вспыхивает табло «Агрегат включен». Могучее тысячеголосое «ура» оглашает ущелье.

С приветствием к нурекчанам и гостям обращается первый секретарь ЦК КП Таджикистана Д. Р. Расулов. Поздравив их, он сообщает, что в адрес строителей, монтажников, эксплуатационников — всех участников сооружения Нурекской ГЭС пришла телеграмма от Леонида Ильича Брежнева. В разом наступившей тишине отчетливо слышно каждое слово:

«Дорогие товарищи!

Сердечно поздравляю вас с выдающейся трудовой победой — вводом в строй первого агрегата Нурекской гидроэлектростанции.

Приятно отметить, что ваш коллектив твердо держит слово — набрал такие темпы работ, которые обеспечивают досрочный пуск в текущем году и второго агрегата ГЭС.

Вы по праву можете гордиться тем, что, воздвигая гидроэлектростанцию, вносите весомый вклад в развитие электрификации, дальнейший подъем сельскохозяйственного и промышленного производства Таджикистана, всей нашей социалистической Родины.

Уверен, что достигнутые хорошие результаты явятся залогом дальнейших успехов в борьбе за досрочное окончание строительства.

Торжественный митинг в честь пуска первого агрегата Нурекской ГЭС

самой мощной гидроэлектростанции в Средней Азии.

Дорогие товарищи, благодарю вас за теплую телеграмму и приглашение приехать на праздник пуска первого агрегата.

К сожалению, неотложные дела не позволяют мне сейчас принять участие в этом празднике.

С большой теплотой вспоминаю нашу встречу в 1970 году и надеюсь, что мне представится возможность еще посетить вашу стройку, снова встретиться с замечательным коллективом участников сооружения Нурекской гидроэлектростанции.

Л. Брежнев».

Отгремели аплодисменты, но вот они вспыхивают снова. Выступают хозяева стройки и ее гости. Они обещают сделать все от них зависящее для досрочного пуска остальных агрегатов, крепить дальше дружбу между строителями ГЭС и изготовителями оборудования.

— Примечательно, — сказал В. В. Блюхер, — что первые агрегаты Нурека пускаются в канун праздника всей большой семьи советских народов — пятидесятилетия образования СССР. Пусть наши генераторы будут подарком уральцев братскому народу Таджикистана.

Той же волнующей теме посвятил свое короткое выступление Файзулло Ашуралиев, один из лучших нурекских механизаторов:

— Благодаря духу дружбы и братства на строительстве выросли национальные кадры. Особой честью для нас, таджиков, стало овладение профессиями машиниста скального экскаватора, крана, бульдозера, водителя «БелАЗа-540»...

— Спасибо, товарищи, поклон вам до земли! — обратился к нурекчанам начальник стройки Ю. К. Севенард. — Вы доказали великую силу духа советского человека... Сегодня вместе с нами — дорогие гости, посланцы братских республик, заводов-поставщиков. Можно прямо сказать: Нурек строит вся страна...

Многие выступавшие напоминали, что предстоит еще немало труда: ввод остальных нурекских агрегатов, а потом и Рогунская ГЭС, следующий энергогигант на Вахше...

Через месяц с небольшим снова были памятные напряженные дни. Готовили к пуску второй агрегат; назначенный срок снова решили приблизить. Главные трудности остались позади, теперь, казалось бы, предстоит путь по проторенной дороге.

Однако на этот раз жизнь преподнесла непредвиденный сюрприз. Пущенный на холостой ход, агрегат «закапризничал»: ротор

Победители в соревновании за право участия в пуске первого агрегата. Первый слева — Камол Хамсариев.

генератора стал перегреваться. Вызванный срочной телеграммой, тут же прибыл главный конструктор «Уралэлектротяжмаша», заводской дефект устранили на месте. И второй агрегат все-таки дал ток досрочно — 20 вместо 22 декабря.

Еще полгода спустя, 24 мая 1973 года, начал действовать третий гидроагрегат, завершился пуск первой очереди гидростанции. А за год, минувший после своего звездного дня, Нурек послал в энергетическую систему Средней Азии миллиард киловатт-часов электроэнергии.

СТРОЙКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Сегодня на счету у Вахшского гиганта уже многие миллиарды киловатт-часов, отданных в энергосистему республики. Они помогли приблизить еще одно великое торжество Таджикистана — первую плавку на алюминиевом заводе в Регаре, состоявшуюся в апреле 1975 года. Они же приводят в движение станки на действующих предприятиях, экскаваторы, копающие котлованы для новостроек, насосы, что гонят воду на вчера

еще пустынные земли. Ведут поезда, доставляющие в Таджикистан жизненно важные грузы, зажигают огни в высокогорных кишлаках, завершая электрификацию края.

Нурекская ГЭС дает сейчас половину электроэнергии, вырабатываемой в южной части республики. А скоро ее доля еще намного возрастет. Опять на устах у каждого нурекского строителя волнующее слово «пуск». В конце 1976 года войдет в строй новый агрегат второй очереди гидростанции.

Для этого пришлось поднять высоту плотины до 260 метров, нарастить ее на 100 метров по сравнению с той, что была достаточна для работы первых трех агрегатов. Чтобы приводить в движение еще два, необходимо намного увеличить напор воды, поднять уровень Нурекского «моря». Вот почему все эти годы главными героями стройки были водители «БелАЗов», днем и ночью, в снег и зной, в будни и праздники мчавшие по знакомому до мельчайших деталей кольцу горных дорог свои грузы: галечник, суглинок, рваный камень... 4,3 млн. кубометров грунта в 1973 году, 6 млн. в 1974, 8 млн. в 1975 — так росли темпы отсыпки высочайшей в мире рукотворной горы. За 1976 год предстояло уложить в плотину рекордное число — 10 млн. кубометров.

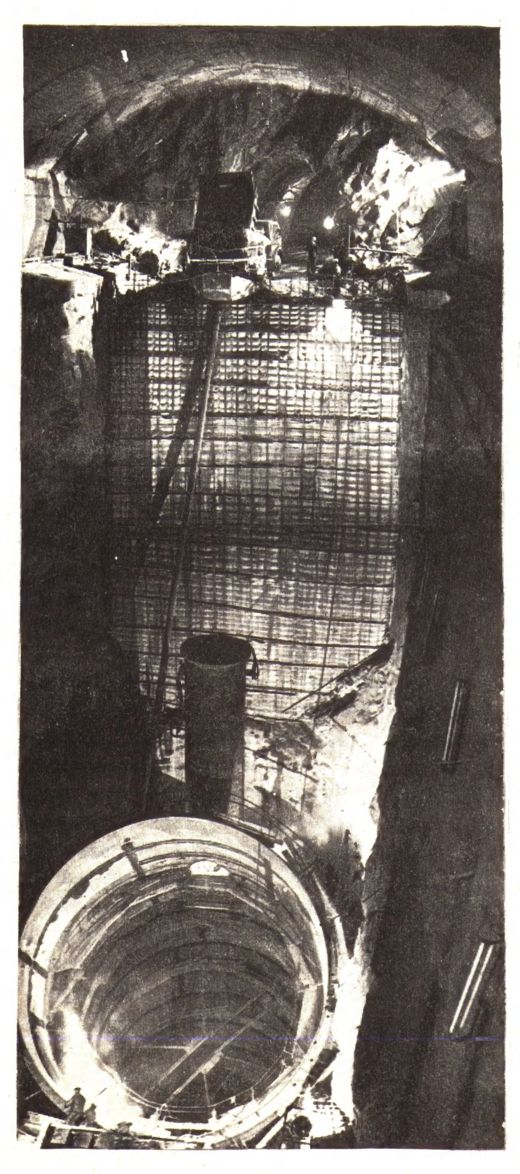
Не менее важно было подготовить к пуску второй очереди постоянный водоприемник, довести до нужной высоты потерны, соорудить и одеть в стальную «рубашку» водоводы к новым гидроагрегатам, наконец, смонтировать сам агрегат, могучие гидравлические и электрические машины. Со всем этим огромным комплексом работ с честью справились уже знакомые читателям умельцы из «Гидроспецстроя», «Гидромонтажа», «Спецгидроэнергомонтажа», «Гидроэлектромонтажа». Справились, преодолевая многие трудности, без которых не обошлось и на этот раз. Помог опыт долгих лет, помогла «Рабочая эстафета».

Каждые полгода нурекчане и поставщики приезжают друг к другу проверять результаты соревнования. Их встречи — настоящие праздники рабочей дружбы.

Эта дружба все углубляется, рождает новые ценные начинания. Творцы турбин и генераторов вместе с эксплуатационниками гидростанции решили довести эти уникальные машины до уровня лучших мировых образцов. Уже заслужили Государственный Знак качества нурекские турбины и шаровые затворы, силовые трансформаторы и воздушные выключатели.

«Рабочая эстафета» перестает быть только рабочей, в нее все активнее включаются инженеры, техники, конструкторы. При изготовлении оборудования для второй очереди ГЭС учтено больше двух-

Сооружается наклонная часть водовода — одного из трех входящих в пусковой комплекс второй очереди гидростанции.

сот замечаний, сделанных нурекчанами.

Дружат не только коллективы стройки и заводов, но и отдельные рабочие, инженеры. Они переписываются, бывают друг у друга в гостях, вместе проводят отпуск. Группы нурекских школьников минувшим летом побывали в Харькове и Свердловске, а ребята из этих городов — на берегу Нурекского «моря».

Вместе с гидростанцией растут люди — и продолжающие ее воздвигать, и те, кого участие в стройке подготовило к еще большему масштабу работ.

Стал заместителем председателя Совета Министров Таджикской ССР Николай Григорьевич Савченков. Теперь он возглавляет все строительство в республике. Часто бывает в Нуреке, где воплотилось в жизнь много его ценных предложений, где с его помощью стали умелыми руководителями, творцами, рационализаторами десятки молодых специалистов, в том числе и Семен Яковлевич Лащенов, сменивший Савченкова на посту главного инженера стройки, и хорошо знакомый нам Валерий Низамович Мухамедиев — ныне заместитель начальника «Нурекгэсстроя».

В день 58-й годовщины Великого Октября в списке новых лауреатов Государственной премии советские люди прочли имена Анатолия Шильникова и Максима Демко — брига-

диров нурекских спецгидромонтажников, инициаторов «Рабочей эстафеты». Одновременно этой высокой награды удостоен друг Максима Демко — Степан Топорков, один из изготовителей гидрогенераторов для Нурека. Был делегатом XXV съезда КПСС знатный нурекский экскаваторщик Файзулло Ашуралиев.

Нурек — высокая марка. Многим его труженикам доверяют честь представлять советскую страну на зарубежных стройках. Ю. М. Инюшин — бывший начальник Нурекского участка «СпецГЭМ», сооружает гидростанцию в Бразилии. А бригадир монтажников Анатолий Колоколов награжден орденом Дружбы народов Социалистической Республики Вьетнам за помощь в восстановлении электростанций, разрушенных за долгую войну.

...Недалек день, когда радиоволны опять понесут в эфир слово «Нурек», когда его станут часто набирать в типографиях республиканских и центральных газет. Встанет в строй в 1976 году еще один исполин-агрегат, к концу десятой пятилетки — все девять. Так записано в решениях XXV съезда партии. Готовясь нести их энергию, шагают, взбираясь по скалам, пересекая степь, ажурные опоры новой ЛЭП-500, «непростой линии», как называют ее в песне. Скоро она соединит Нурек с Таджикским алюминиевым заводом в Регаре — второй великой стройкой, преобразившей по воле XXIV съезда партии облик земли знойного солнца и высочайших гор. А в районе Гузара, что на границе Таджикистана и Узбекистана, эта линия замкнет кольцо единой Среднеазиатской энергосистемы.

...На самой высокой из вершин, окружающих Нурек, каждый вечер высвечивается силуэт Ленина.

Много лет назад, когда стройки еще не было, для нее только накапливали материал первые изыскатели, кто-то из них, видно, очень скромный — имя его осталось безвестным, — высек у вершины скалы на створе ленинский профиль. Год за годом дожди, ветры и зной делали свою разрушительную работу, дорогие черты стерлись. Но на другой вершине арматурщики завода железобетонных изделий установили изготовленный ими силуэт вождя, окружили лампочками, и, подобно маяку, он светится ночами, словно напоминая: ленинский завет об электрификации всей страны выполняется и здесь, в одном из самых дальних ее уголков, в прошлом — отсталом, теперь — расцветающем для новой, счастливой жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

Для старшего возраста

Наталья Матвеевна Морозова

НУРЕКСКИЙ ХАРАКТЕР

Очерки

Ответственный редактор
И. А. Григорьева

Художественный редактор
О. К. Кондакова

Технический редактор
Л. П. Костикова

Корректор В. В. Борисова

Сдано в набор 25/II 1976 г. Подписано к печати 4/X 1976 г. Формат 70×90/16. Бум. офс. № 1. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 4,68. Уч.-изд. л. 3,83. Тираж 100 000 экз. А08642. Заказ № 91. Цена 15 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Морозова Н.

М80 Нурекский характер. Очерки. Оформл. Б. Шляпугина. М., «Дет. лит.», 1976.

64 с. с фотоил. («Герои нашего времени»).

Очерки о строителях Нурекской ГЭС — величайшего из сооружений Средней Азии, о покорении стремительного Вахша, об интернациональной дружбе рабочих — представителей 46 национальностей нашей страны.

М $\frac{70803-572}{М101(03)76}$ 317—76 **32С**